

Геннадий Коваленко
*Очерки по истории станицы
Митякинской и Тарасовского района*

Книга 2

Геннадий Коваленко

**Очерки по истории
станции Митякинской
и Тарасовского района. Книга 2**

«Издательские решения»

Коваленко Г.

Очерки по истории станицы Митякинской и Тарасовского района.
Книга 2 / Г. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906228-4

Книга рассказывает об истории станицы Митякинской и впоследствии Тарасовского района с конца 1917 по 1945 год. В ней также приведены краткие биографии замечательных людей нашего края.

ISBN 978-5-44-906228-4

© Коваленко Г.
© Издательские решения

Содержание

Гражданская война в станице Митякинской	6
Начало гражданской войны	6
Противостояние	27
Мирная жизнь, бандитизм	43
Есаул Чугреев	52
Батька Махно на Дону	60
Жизнь и судьба – М. А. Алпатов	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Очерки по истории станицы Митякинской и Тарасовского района Книга 2

Геннадий Коваленко

© Геннадий Коваленко, 2018

ISBN 978-5-4490-6228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гражданская война в станице Митякинской

Начало гражданской войны

При работе над главой использовались материалы: из книги В. Трута «Дорогой славы и утрат». М. А. Алпатова «Откуда течет «Тихий Дон»». (М., Правда, библиотека «Огонек», №40, 1978, с. 34), Шолохова «Тихий Дон», воспоминания большевика Френкеля, Сайта Белая Калитва» Казачество» Неизвестный «Тихий Дон», луганского краеведа В. Федичева.

Декабрь 1917 год. Атаман Каледин не признал советскую власть и стал сосредотачивать на севере ОВД, прибывшие с фронта казачьи части. Так в районе станицы Каменской, станции Миллерово и Чертково, были сосредоточены подразделения 5 и 8 ДКД (27 и 44 ДКП которых формировались в том числе казаками станицы Митякинской). Когда в Петрограде большевики узнали о мятеже атамана Каледина, для его подавления были направлены части красной гвардии. Им на встречу был выдвинут располагавшийся в Чертково 39 ДКП. Однако казаки этого полка отказались выполнять приказ. Уже для усмирения 39 ДКП из Миллерово в Чертково был выдвинут 35 ДКП, но и он отказался стрелять по наступавшим частям большевиков и стал брататься с 17 пехотным полком красных. Попытка командира 8 ДКД полковника Дьякова обманом посадить 44 ДКП в вагоны и отправить их в Чертково, вызвало среди казаков возмущение. Возмущённые этим казаки сорвали погоны с командира дивизии и начальника штаба.

Январь 1918 год. К тому времени в районе станиц Каменской, Гундоровской, Луганской и Митякинской и других по хуторам располагались прибывающие с фронта казачьи части. Некоторые дивизии почти в полном составе приходили со своей артиллерией и вставали на постой по указаниям штаба войска. Части 5-й Донской казачьей дивизии: 27, 28, 29, 33 полки и 6-й Донской казачий конно-артиллерийский дивизион стали в районе станции Чебо-товка в станице Митякинской и по ее хуторам.

Командир дивизии генерал-майор Киприан Яковлевич Усачев в конце ноября 1917 г. увел дивизию с развалившегося фронта, но по пути на Дон потерял и второго сына, тоже офицера и Георгиевского кавалера. Его расстреляли матросы, захватив в Полтаве отставший эшелон 33-го Донского казачьего полка. По прибытии на хутора Митякинской станицы, когда полки начали самопроизвольную демобилизацию, генерал Усачев явился в Каменский штаб Походного атамана ген. Назарова с предложением своих услуг. Он был назначен начальником партизанской борьбы в Донецком районе. На этом посту он предпринял попытку спасти полковника Чернецова и его партизан, попавших в плен к красным. Но ультимативное требование освободить пленников, посланное Голубову, успеха не имело.

В отличие от командира 5 ДКД и многих других казачьих офицеров, командир 27 ДКП полковник Василий Иванович Седов, являясь потомственным донским дворянином, революцию принял и остался на своём посту в это смутное и тревожное время. Почему он принял такое решение, сказать трудно, вот что писал по этому поводу наш земляк М. А. Алпатов «Откуда течет „Тихий Дон“». (М., Правда, библиотека «Огонек», №40, 1978, с. 34):

Генерал-майор Киприян Яковлевич Усачев

«Во время нашей встречи Решетов о себе говорил очень скромно, с восхищением вспоминал о полковнике В. И. Седове, который тогда рядом командовал первой сотней...

Не шел с ума и полковник Седов, о котором говорил Решетов... Боевой офицер, пожилой полковник, всегда сам ходивший в атаки со своим полком, был любимцем казаков. Они никогда не оставляли в беде своего командира: когда Василий Иванович в Карпатах был тяжело ранен, казаки из винтовок соорудили носилки и 15 верст несли его по непролазной грязи. В гражданскую войну полк перешел на сторону революции, офицеры стали бежать к Каледину, а Седов остался с полком и повел его против врагов революции. Можно без труда представить, как нечеловечески трудно было полковнику Седову в этом сражении вести казаков против боевых офицеров, которых он сам недавно водил в атаку. Впоследствии Седов попал в руки белых. Атаман Краснов приказал судить его военно-полевым судом. Его судьям оставалось поражаться его мужеству и непреклонности.

– Как же вы, полковник царской армии, потомственный дворянин, оказались вместе с быдлом? Как вы могли покрыть себя таким бесчестьем?

– Да, я и полковник и дворянин. Но мой путь всегда был с теми, кто не раз спасал меня от смерти на поле боя, – с моим народом! Что может быть выше этой чести?

Седова приговорили к расстрелу. Но не обошлось без лицемерия – по преклонности возраста осужденному расстрел заменили двадцатью годами каторги. В декабре 1919 года конница Думенко освободила Василия Иванович Седова из Новочеркасской тюрьмы. Он уехал в свою станицу Усть-Белокалитвенскую, но там вскоре умер».

На хуторе Чеоатовском встали на постой 12-я и 13-я батареи 6-го Донского конно-артиллерийского дивизиона. 5 Донская казачья дивизия прибыла из Киева, где в составе войск, верных временному правительству, 29 и 30 октября 1917 года принимала участие в боях против восставших большевиков. Но с тех пор большевистская пропаганда очень сильно распропагандировала казаков дивизии и они так же перешли на сторону большевиков. Делегаты от 5 ДКД, прибыв 7 января в Воронеж, где должен был состояться съезд советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, потребовали провести его в окружной станице Каменской, так как на съезд прибыло всего 9 делегатов от казачьих полков. Съезд фронтового казачества был необходим, для решения насущного вопроса – что казакам фронтовикам делать в сложившейся обстановке и кого поддерживать.

10 января 1918 года в станице Каменской, по инициативе дивизионного комитета 5 Донской казачьей дивизии во главе с казаком Ермиловым, был созван Съезд фронтового казачества. На съезд съехалось около 700 делегатов от 21 казачьего полка, пяти батарей и двух запасных полков. Из 15 членов ВРК только трое являлись большевиками. Именно они были решительно настроены и подталкивали съезд к боевым действиям. Однако большинство казаков-фронтовиков уже навоевались и были настроены мирно. Воевать с большевиками они не хотели, но ещё имели меньшее желание воевать против своих – казаков. Постепенно Съезд склонялся к мирному урегулированию всех вопросов, как с большевиками, так и с атаманом Калединым. Но тут была перехвачена телеграмма войскового атамана об аресте всех участников съезда и отправки их в Новочеркасск. Это вызвало бурю возмущения, так как казаки не желали вмешательства в свои дела генерала Корнилова и офицеров добровольцев.

Съезд объявил о взятии власти на Дону в свои руки, низложил Донское войсковое правительство и образовал Военно-революционный комитет из 15 человек. Его возглавил подхорунжий 6 гвардейской батареи подхорунжий Фёдор Подтёлков, казак хутора Крутовского, ст. Усть-Хопёрской, пользовавшийся у казаков большой популярностью. Секретарём РВК избрали прапорщика 28 ДКП Кривошлыкова, уроженца хутора Ушакова, Еланской станицы. Об этих событиях вспоминал Темников Иван Дмитриевич, делегат съезда от станицы Митякинской: «Мы поддержали Подтелкова потому, что думали Советы нам дадут всё... и прежде всего мирную жизнь».

Подхорунжий Фёдор Подтёлков

В резолюции Каменского съезда говорилось: *«Съезд фронтовых казаков, учитывая сложившееся положение, обсудив его, решил взять на себя революционный почин освобождения трудового казачества от гнета контрреволюционеров из войскового правительства, генералов, помещиков и капиталистов, мародеров и спекулянтов»*.

Одновременно казачий ВРК от имени Атаманского, Донского Казачьего, 8-го, 10-го, 23-го, 27-го, 28-го, 29-го, 43-го и 44-го Донских полков, 14-й Донской отдельной сотни, 5-й гвар-

дейской, 13-й, 28-й и 32-й Донских батарей, 2-го пешего Донского батальона и Каменской местной казачьей команды предъявил ультиматум войсковому правительству с требованием передачи власти в руки казачьего ВРК и роспуска всех действовавших против советских войск отрядов выслать за пределы Дона всех прибывших офицеров. Одновременно по указанию ВРК казаки 8-го и 43-го полков заняли станции Лихая и Зверево на севере области.

Здесь сделаем отступление и рассмотрим личность одного из вождей революционного казачества и его понимания революции. Так как практически во всех работах посвящённых этим дням на Дону, тот же Подтёлков изображается как то трафаретно. Между тем интересно взглянуть на него глазами современников и свидетелей этих событий. Не смотря на свою революционность. Подтёлков был привержен казачьим традициям и не просто от них отказывался. Так после захвата власти в ст. Каменской Советом казачьих и солдатских депутатов, по словам участника этих событий Мандельштама, у него и у других революционных казаков, «... начались колебания такого рода, как они мне заявили, – «что скажут старики». Сам Подтёлков убеждал Мандельштама, что он «... ни когда без согласия стариков ни чего не делал».

Мандельштам убеждал его, что если они не испугались Каледина, то не ужели с «отцами и матерями» не сможем договориться? Приведу конкретное описание митинга в станице Каменской, со слов того же Мандельштама, созданного Подтёлковым. «Около школы, где заседал съезд, был невиданный первый митинг в станице Каменской. Подтёлков просил меня не говорить, боясь, что моя еврейская физиономия не понравится донским казакам. Начался для меня совершенно непонятный митинг. Среди моря мужских, женских и детских голов, на телеге встал Подтёлков и давай крестится на все четыре стороны. Он начал свою речь с того, что «отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросясь вашего благословения, совершили революцию».

По словам самого Подтёлкова, он как до революции 17 года, так и после неё, не вступил ни в одну партию. При чём Гражданскую войну он воспринимал весьма своеобразно. «Гражданскую войну, – писал он, – я понимаю только как войну одной части трудового народа с оружием в руках, против другой под влиянием злобной агитации... То же что происходит сейчас, это не Гражданская война, а борьба трудящегося народа с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, похищенным у трудового народа». По словам одного из участников этих событий – А. Френкеля, Подтёлков и Кривошлыков себя большевиками не считали, а относили скорее к левым эсерам.

Как уже писалось выше, Съезд фронтового казачества вызвал беспокойство у атамана Каледина, который в числе прочих частей, для наведения порядка и ареста зачинщиков, отправил 10 ДКП. **Вот как это описывается у Шолохова:**

«На другой день после съезда в Каменской в станицу прибыл, по приказу Каледина, 10-й Донской казачий полк, – арестовать всех участников съезда и обезоружить наиболее революционные казачьи части... Полк, выгрузившись, примкнул к митингу. Отборно рослые, выложенные гундоровцы, наполовину составлявшие кадры полка, смеялись с казаками других полков. В настроении их сейчас же произошел резкий перелом. На приказ командира полка о выполнении распоряжения Каледина казаки ответили отказом. Среди них началось брожение, как следствие усиленной агитации, которую развернули сторонники большевиков...».

11 января 1918 год. По прибытию эшелона с казаками 10 Донского полка, казаки этого полка отказались подчиняться своим командирам и перемешались с митинговавшими. Призывы командира и офицеров 10 пока выполнить приказ Войскового атамана не нашли у казаков понимания, так как попали под влияние ставшего большевиком войскового старшины Голубова, пользовавшегося огромной популярностью у фронтовиков. Который предложил казакам присоединиться к нему и занять Новочеркасск раньше красногвардейцев и матросов. Голубов сумел убедить в этом не только рядовых казаков, но и офицеров 10, 27 и других ДКП. Так как те прекрасно понимали, что Донское правительство обречено и падёт рано или поздно.

Если войсковую столицу займут первыми красногвардейцы и матросы, то могут залить город кровью.

Атаман Каледин

Тут же на митинге полковой комитет заявил о подчинении 10 полка Донревкому. Однако дальше произошло непредвиденное. Так как Донревком имел тесные связи с большевиками и выступал в их русле, казаки 10 и 27 полков, как впрочем, и представители других частей, потребовали удаления Сырцова, Щаденко и некоторых других не казаков станицы Каменской. *«И товарищи были вынуждены, пишет Антонов-Овсеенко, – перейти почти на нелегальное положение. Ревком, дороживший их советами, тщательно прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками».*

Войсковой атаман Каледин и официальная войсковая пресса с горечью вынуждена была констатировать, что *«в событиях, разыгравшихся на станице (Каменской), важно другое, перед чем военно-стратегическое значение захвата ее большевиками отодвигается уже на задний план. Здесь произошел первый открытый бунт войсковых казачьих частей, причем бунт под флагом самого откровенного большевизма».* Заявление довольно смелое, если учесть, вышесказанное: Из 15 членов ВРК, только 3 были большевиками.

После создания в станице Каменской Военно-революционного комитета, Съезд объявил его правительством Донской области. За участие в боях против большевиков командир артиллерийского дивизиона войсковой старшина Измайлов Капитон Александрович, есаул Козин Алексей Гаврилович и ряд офицеров были арестованы казаками на хуторе Чеботовке. Их должны были передать для суда в руки местного совета солдатских, рабочих и казачьих депутатов станицы Каменской. Три донских полка, вернувшихся с фронта, под начальством бывшего войскового старшины Голубова выступили на стороне большевиков «за трудовой народ» против «калединцев». Председатель большевистского комитета, донской урядник Подтелков – «будущий президент Донской республики» – выехал в Новочеркасск, чтобы предъявить Донскому правительству требование передать ему власть.

Правительство колебалось, но атаман Каледин послал в ответ карательный отряд Чернецова, «усмирителя» Донбасса и ещё несколько отрядов добровольцев. Сам Чернецов, которого впоследствии попытались представить рыцарем без страха и упрека, как и его «партизан», на Донбассе отличился особой жестокостью при свержении советской власти в шахтёрских посёлках. Пленных, чернецовцы, как впрочем, и прочие «партизаны» не брали, поголовно расстреливая всех, кто оказывал им сопротивление. Руководить операцией должен был генерал-майор Усачёв.

Одновременно с этими событиями, в самой станице Митякинской и её хуторах, казаки фронтовики так же устанавливали советскую власть. В числе них был и казак-фронтовик хутора Прогнойского Пётр Петрович Сутормин. Кем был Пётр Сутормин? Бывший артиллерист 2 Донской артиллерийской батареи, георгиевский кавалер 4 и 3 степени.

Войсковой старшина Голубов.

Казак Сутормин сделал свой выбор, и не нам его судить. И вот грянул Октябрь. Вернулся Пётр Сутормин в свой родной хутор, осмотрелся, потолковал с такими же, как он фронтовиками, да и открыто в бой. На первом же хуторском сходе отец и сыновья голосовали против атамана, за ревком. Как и в других местах, по решению Донского окружного комитета большевиков и окрисполкома станицы Каменской, был создан штаб обороны во главе с Е. А. Щаденко. В состав штаба вошли большевики Романовский, Пареев, Блицын, Тетеревятников и Сутормин. К этому времени в Донецком округе уже было хорошо имя Петра Сутормина.

А несколько погодя, Пётр разослал уже гонцов по хуторам Митякинского юрта, на общий сбор. Собрались казаки фронтовики на хуторе Чеботовском. Здесь они и постановили создать дружину в три тысячи шашек для охраны Советской власти. Командиром дружины избрали А. А. Тананакина. Петра Сутормина – председателем совета дружины. По архивным данным, не позднее 17 февраля 1918 года и не ранее 29 января, граждане ст. Митякинской обратились к председателю Донского Военно-революционного комитета Ф. Подтёлкову за разъяснениями функций ВРК, судьбой Войскового Круга и о созыве Съезда рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Вот что ответили Митякинским казакам Подтёлков и Кривошлыков.

«Областной казачий Военно-революционный комитет образовался на съезде фронтовых казаков и задался целью свергнуть на Дону генеральскую власть Каледина... Конечная цель комитета – установить на Дону власть трудового казачества и всего трудового населения области, изгнать из пределов Дона всех прибежавших под покровительство ныне застрелившегося атамана Каледина. (Он застрелился 29 января 1918 года).

Большой войсковой Круг 4 февраля не будет созван, потому, что население Дона преступной политикой Каледина и Богаевского рассылавших повсюду клеветнические черносотенные листы, введено в заблуждение. Созван будет съезд от всего населения, только тогда казаки поймут, кто враги, а кто защитники трудового казачества.

Вскоре в Ростове узнали о деятельном большевике из Митякинского юрта и вызвали в Ростовский ревком. Его оставили при Чрезвычайном штабе Совета Народных Комиссаров для организации защиты молодой Донской республики. Он был назначен адъютантом командующего революционными войсками Донской республики, организовывал оборону города от наступавших кайзеровских войск.

Ещё одним известным большевиком станицы Митякинской был казак Кудинов. Родился Кудинов Семен Иванович 9 мая 1887 года в хуторе Мосты ст. Митякинский. Казак ст. Каменской; участник Первой мировой и Гражданской войн; большевик, сподвижник Ф. Подтелкова и М. Кривошлыкова в борьбе за Советскую власть на Дону; член Донского казачьего ВРК, делегат съезда фронтового казачества в ст. Каменской в январе 1918 г., участник переговоров с Калединым и его правительством о передаче власти на Дону Военно-революционному комитету, возглавлял донскую делегацию на переговорах с Москвой об оказании материальной помощи революционному казачеству. После освобождения станицы Каменской от белогвардейцев стал председателем ревкома. В 1920—1921 годах бал председателем уездного исполкома станицы Каменской. Впоследствии секретарь Красносулинского райкома ВКП (б), директор совхоза овцеводства и птицеводства, председатель правления Каменской артели стеклоделов, председатель артели «Пищевкус». Уже будучи в пенсионном возрасте работал в горкомхозе, садовником в тресте зеленого хозяйства. Награжден орденом Ленина, медалями. Одна из улиц города (стадионная) переименована в 1977 году в улицу Кудинова. Автор книги воспоминаний «Этого не забудешь».

Сын небогатого казака. Обучившись портновскому делу, вошел в товарищество портных станицы Каменской, которое возглавлял Е. А. Щаденко (под вывеской товарищества действовал социал-демократический кружок). С 1909 года служил в армии. Весной 1917 года стал большевиком. Был делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов. По возвращении из Петрограда осенью 1917 года был арестован. Семен Иванович вспоминал: «В Новочеркасске на гауптвахте я просидел до 16 ноября. По требованию каменской местной команды и ряда других казачьих частей нас, 16 казаков, сидевших в общей камере по обвинению в большевистской агитации, освободили. Когда я вернулся в станицу Каменскую, тут уже шла подготовка к созыву съезда фронтовых казаков». На съезде С. И. Кудинов был избран членом Донского областного казачьего военно-революционного комитета, а спустя три месяца, когда была образована Донская советская республика, – членом ЦИК республики.

После освобождения станицы Каменской от белогвардейцев стал председателем ревкома. В 1920—1921 годах был председателем уездного исполкома станицы Каменской. Впоследствии – секретарь.

В очерке «Семен Иванович Кудинов (по страницам романа «Тихий Дон»)» Б. Челышев приводит рассказ одного из героев романа – участника съезда казаков-фронтовиков в станице Каменской в 1918 году. Семен Кудинов – реальное историческое лицо, изображенное в «Тихом Доне». Его избрали на съезде в состав Донского ревкома, председателем которого стал Подтелков. Спустя много лет Кудинов рассказал журналисту:

« – Есть у нас под Каменской небольшой хутор Чеботовка. Так вот приехал туда в семнадцатом году на побывку казак, георгиевский кавалер Никанор Миронов... Отец его – вылитый Пантелей Прокофьевич из шолоховского «Тихого Дона» – по этому случаю собрал всю родню. Сидят за столом, беседуют, слушают рассказы фронтовика. Самогон рекою льется. Как водится, разговор зашел о большевиках. И тут выясняется, что Никанор – большевик. В комнате – гнетущая тишина. Вдруг отец затрясся, заорал:

– Проваливай отселева, большевистское отродье. Заре-е-жу!

Старик выскочил из хаты и тут же вбежал обратно с огромным колом. Через минуту сын лежал мертвым с проломленным черепом. А спустя несколько дней хуторяне читали приказ войскового атамана Каледина «За проявление патриотизма, мужества и решимости в борьбе с изменником Дону сыном Никанором Мироновым Тихона Миронова, урядника, произвести в старшие урядники и представить к награждению Георгиевским крестом...».

Умер С. И. Кудинов 18 ноября 1976 года в городе Каменске-Шахтинском.

Здесь стоит упомянуть и о других казаках станицы Митякинской, бывших на Съезде фронтового казачества. По воспоминаниям Ф. Н. Косорова, в их числе были Темников И. Д.,

Криушин Ф. А., А. Сажнев и Н. Дюбин. Став большевиками, они в числе немногих казаков митякинцев, влившись в красногвардейские отряды, с оружием в руках стали её отстаивать. После съезда Темников И. Д., Криушин Ф. А., Н. Дюбин ушли воевать за «красный лагерь» и вернулись они в станицу не скоро, а кто и совсем не вернулся.

О Петре Криушине мы мало что знаем. Разве то, что по словам его дочери Зинаиды Петровны, последний раз видевшей своего отца, когда ей было пять лет, он был из бедной казачьей семьи. С юных лет он работал сапожником по найму в Луганске, Алчевске и других городах Донбасса. Потом срочная служба в казачьем полку, первая Мировая война. Известно, что летом 1917 года Криушин проходил службу в 18 Донской запасной сотне, расквартированной в станице Каменской. Из запасной сотни он вместе с другими 300 казаками, в сентябре, был отправлен для пополнения Лейб-Гвардии Казачьего полка. В книге И. Н. Оприца «Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917 – 1920 г.», мы так же находим упоминание о митякинском казаке Криушине:

Красные казаки

«Когда жск в сентябре прибыла команда пополнения в составе 300 казаков, то обнаружилось, что казаки пополнения разболтаны и разложены пропагандой в большей степени, нежели наши старые казаки в полку на фронте. Среди прибывших были почти явные большевики, как, например, казак станицы Митякинской – Кривушев, чего до сего времени в полку не было. Хуже всего было то, что казаки типа Криушева пользовались большим влиянием в среде прибывших».

В январе 1918 года он был выбран делегатом на Съезд фронтового казачества от Лейб-гвардии казачьего полка. На съезде он был избран членом Донского областного казачьего Военно-революционного комитета. Несомненно одно, это был человек пользующийся большим авторитетом среди однополчан.

Ревком просуществовал всего два месяца, однако он сыграл решающую роль в подавлении контрреволюционного мятежа атамана Каледина. Создав отряд красных казаков, он лично участвовал в многочисленных боях с противниками советской власти. В марте 1918 года, он со своим отрядом, ненадолго появился в станице Митякинской, где по сведениям журналиста В. Шумова, создал местный военно-революционный комитет. После чего отряд Криушова ушёл к Луганску, где германцы продолжали своё наступление. Позже Пётр Криушов служил инспектором кавалерии в РККА, продолжая сражаться в первых рядах. Об этом говорит ранение пулемётной очередью в обе ноги. После госпиталя новые бои и сражения, погиб митякинский казак Криушов в 1919 году в бою за украинский город Енакиеве 26 лет от роду. Вот и всё, что мы о нём знаем.

Казак Андрей Сажнев был уроженцем хутора Роговского ст. Митякинской. Закончил начальное Роговское училище. В 1908 году его призвали на действительную срочную службу в 10 ДКП, расквартированный в польском городе Замостье. На службе казак Сажнев проявил себя с лучшей стороны и был представлен к урядничему чину. Через два года после возвращения со службы, в 1914 году, началась 1 Мировая война, и урядник Сажнев был мобилизован в 27 ДКП второй очереди. Снова отличился и был представлен к чину вахмистра. Правда, повоевать пришлось недолго лихому рубака. После тяжёлого ранения и болезни, оказался он непригодным для строевой службы и был отчислен во 2 донской запасной полк, расквартированный в ст. Каменской.

Там 30 летний вахмистр Сажнев занимался обучением молодых казаков. Ещё на фронте он сошёлся с большевиками и всё больше склонялся к тому, что, правда, на их стороне. В ст. Каменской продолжилось общение с местными большевиками. Вскоре после февральской революции 1917 года, вахмистр Сажнев был избран командиром 2 запасного полка и почти одновременно Каменского окружного исполкома.

8 ноября 1917 года атаман Каледин объявил Донскую область на военном положении, заявив, что для Дона и казачества Советская власть не приемлема. В своём приказе генерал Каледин писал, что Донское Войсковое правительство принимает на себя всю полноту государственной власти на Дону. Таким образом, атаман Каледин объявил войну Советской республике. Это решение вызвало неприятие у большинства казаков фронтовиков, часть из которых вступила во вновь создаваемые отряды красной гвардии. В их числе был и митякинский казак Андрей Сажнев, участвовавший в январе-феврале 1918 года в разгроме отряда есаула Чернецова и других белоказачьих частей.

После занятия красными казаками войскового старшины Голубова Новочеркасска и установления там советской власти, Сажнев вернулся в станицу Митякинскую. Однако очень скоро генерал Краснов, при поддержке германских войск, продолжил борьбу с советской властью и казак Андрей Сажнев вновь вступил в один из отрядов красной гвардии, сражавшихся с белоказаками и оккупантами. Дальнейшая его судьба осталась не выясненной. По рассказам некоторых очевидцев он был взят в плен германцами и впоследствии расстрелян.

Тем временем, посланный атаманом Калединым отряд есаула Чернецова сформировав в Новочеркасске три сотни партизан-добровольцев, двинулся по ЖД на освобождение Каменской. Без особых трудностей ими были взяты станции Лихая и Зверево, так как казаки 8 и 43 полков не оказали им сопротивления и по большей части разошлись по домам. В результате боестолкновения с красными под Северо-Донцом, последним полустанком перед Каменской, расположенным в 12 верстах от нее, в котором красные были разбиты, чернецовцы без боя вошли в станицу. Столь лёгкая победа чернецовцев объяснялась тем, что казаки 10 ДКП, поддерживавшие 11 января большевиков, перед этим разошлись по своим станицам и хуторам, а отряды красногвардейцев были не обстреляны и мало боеспособны.

Всю ночь под 19 января эшелоны с красными один за другим уходили на Глубокую. Там располагалось несколько сотен 44 ДКП, который формировался, в том числе и из казаков станицы Митякинской 3 очереди. Войсковой старшина Голубов, ставший на сторону Донского ревкома, узнав об этом, ускакал в станицу Митякинскую, где стоял 27-й Донской казачий полк, в котором Голубов служил на австро-германском фронте. Голубов поднял полк по тревоге и объявил ему, что офицеры напали на казаков. Еще днем в Глубокой всплыло имя Корнилова. Действительно, в налете на Глубокую вместе с Чернецовым участвовали офицеры-корниловцы – 4-я рота Офицерского батальона. Видимо, появление «добровольцев» - корниловцев на землях казачьих станиц Донецкого округа взбудоражило казаков и вызвало из неприязнь. 27-й полк, развернув полковое знамя, вместе с командиром полка пошел за Голубовым отражать Чернецова и его офицеров. Другие источники говорят, что подошли лишь две сотни 27-го

полка. Кроме них Голубову удалось увлечь казаков 44-го полка (3-я очередь 10-го полкового звена), атаманцев и 6-ю гвардейскую батарею.

Подбесаул Чернецов

Тем временем, оборону Глубокой возглавил Романовский. Опытные пропагандисты из штаба Романовского, студенты из Сельско-Хозяйственного Института, 20 января в стационарном здании Глубокая открыли большой общий митинг рабочих, прибывшей красной гвардии, казаков 44-го полка и гвардейской батареи. На этом митинге в числе многих других ораторов, выступил и войсковой старшина Голубов. Было решено оборонять станцию Глубокую.

Чернецов, имея мало сил, решил совершить обходный манёвр станции и ударить там, где их не ждут. Однако это решение стало роковым, так как движение отряда было обнаружено и карательный отряд встретили цепи красноармейцев, открывших огонь. Понесся потери в людях и вышедшем из строя орудии, карательный отряд залёг и вступил в бой, который длился до темноты. Часть офицеров добровольцев ночью, очевидно видя всю опасность своего положения, ушли в Каменск. Тогда как Чернецов отвёл своих людей в хутор Пиховкин на ночёвку. Здесь партизаны заночевали в церковном домике для сторожей и в сараях. Чернецов остановился в доме священника. Миончинский и командир орудия поручик Казанли всю ночь чинили орудийный затвор (в нем был сбит боек) и к утру починили. Орудие стояло в церковной ограде.

Утром чернецовцы по пахоте попытались так же уйти в Каменск. Однако бездорожье крайне замедляло движение. После полудня отряд Чернецова был обнаружен казаками 27 и 44 ДКП и донской гвардейской батареи, открывшим ружейный и артиллерийский огонь. Многие партизаны, в том числе и Чернецов, были ранены. Завязался бой, в ходе которого чернецовцы расстреляв снаряды, оказались в тяжёлом положении и ожидали атаки конницы. Однако Подтёлков, командовавший красными казаками, предложил Чернецову сдаться. **Приведём отрывок из воспоминаний очевидца, казачьего офицера Н. Я. Жданова, бывшего в отряде Чернецова:**

«Подъехавший к цепи всадник оказался Подтелковым. Подскакали еще два конных, один из них был Голубов в прекрасном офицерском полушубке, но без погон, на отличном коне. Вот его подлинные слова: «Так вот этот непобедимый Чернецов!...» Затем быстро от лавы к партизанам стало отъезжать все больше и больше конных, окруживших партизан со всех сторон. Голубов предложил Чернецову сложить оружие. Чернецов ответил: «Я отдам приказание сдать оружие, но лишь при одном условии – под ваше честное слово, что меня и моих партизан будут судить казаки, но не красная чернь на ст. Глубокой. Я совершенно не думал, что мне придется воевать с казаками, будучи сам казаком. Я уже имел схватки, но не с казаками, а с пришлыми на Дон людьми, и желающими здесь расположиться. Сегодня мои партизаны открыли огонь по казакам после того, как казаки первые начали стрелять по ним. Партизаны находились в состоянии самозащиты...».

После чего Чернецов приказал своим бойцам сдать оружие. Сдавшихся партизан-карателей стали ночью конвоировать в Каменск. Чернецову, как раненому была выделена лошадь. Подтёлков и Голубов при этом ускакали в станицу Каменскую, запретив конвоирам заниматься самосудом. Ночью, Чернецов и его люди попытались бежать. Опять же, предоставим слово очевидцу – Н. Я. Жданову:

«Чернецов нагнулся с коня и что-то шепнул идущим вблизи партизанам. Когда ЖД эшелон поравнялся с партизанами, Чернецов, ударив одного из своих конвоиров кулаком в лицо, громко закричал: „Ура, партизаны!...“ Все партизаны с криками бросились на конвой, одни хватали коней за уздечки, другие за стремяна, старясь стащить всадника, третьи швыряли грязью в лицо конвоирам. Конвой растерялся и, очевидно, предполагая, что эшелон может быть партизанским, мотнулся в сторону. Партизаны тоже бросились во все стороны, некоторые бросились бежать к поезду, но из вагонов по ним начали стрелять. Получилось так, как будто Чернецов скомандовал: „спасайся, кто может!...“ По-видимому, он, отлично зная, что это был поезд с красными, воспользовался случаем, чтобы попытаться спасти хоть часть партизан от самосуда. Терять было нечего... Опомнившийся конвой бросился за разбежавшимися партизанами. Часть их была прикончена. Куда поскакал Чернецов и что с ним стало, никто из уцелевших и позже добравшихся до Каменской, сказать не мог».

В ходе ночного преследования, Чернецов был убит Пантелем Пузановым, казаком хутора Свинарёва, двоюродным братом упомянутого выше Н. Я. Жданова. Правда, он утверждал, что указанный хутор принадлежал Митякинской станице, но в юрте ст. Митякинской нет такого хутора. Хутор Свинарёв есть в юрте ст. Усть-Белокалитвенской. Хотя возможно речь идёт о небольшом хуторе ст. Митякинской в несколько дворов, исчезнувшем с лица земли в годы Гражданской войны. Кстати, Пантелей Пузанов, убивший Чернецова, принадлежал к богатой казачьей семье. Н. Я. Жданов так описывает этот инцидент:

«Когда Голубов и Подтелков, увидав приближающийся эшелон и, поговорив между собой, поскакали к Каменской, то Подтелков, именно Подтелков, а не Голубов, сказал: «Пузанов, останетесь за старшего, ведите их на церковную площадь и там нас ожидайте, вся ответственность на вас...». Пузанов был в прекрасном офицерском полушубке, с плечевыми ремнями, как во время войны носили офицеры, на боку наган, на прекрасном коне, с винтовкой. Когда партизаны после окрика Чернецова бросились разбежаться, то Пузанову, как старшему, был нужен главным образом Чернецов, а не партизаны, и он бросился за ним и быстро догнал его, приблизительно в 200-х саженях от места, откуда начали разбежаться партизаны. Пешком от конвоя партизанам удирать было легче: при надобности можно было лечь в пахоту, а темнота была такая, что конный, проехав рядом, все равно ничего бы не увидел, лишь бы конь не наступил. Чернецов же был на коне, который шлепал по грязи и по этим шлепкам Пузанов и догнал Чернецова. Догнав, рубанул его шашкой. Чернецов упал с коня. Пузанов остановился и, смутно видя, что Чернецов еще шевелится, соскочил с коня и, не желая производить шум выстрелом, ударил стволом винтовки в глаз. А затем, захватив коня, отвел его своему отцу, не осмотрев карманы и не взяв документы убитого».

Подробности о всём случившемся с Чернецовым, можно найти во втором донесении генерал-майора Усачёва, которое точной даты не имеет:

«Походному атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 15 ч., полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27-го полка, 44-го и Атаманского под командой войскового старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам. Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. Усачев».

Через делегацию, упоминаемую в предшествующем донесении, генерал Усачев обратился к командиру полка и полковому комитету 27-го полка. Командиру полка генерал писал:

«Полковнику Седову, 1918 г., 21 января (22 ч.), Каменская. Прошу вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он немедленно будет доставлен вами в спокойном вагоне на ст. Каменскую. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать жизнь без помощи посторонних. Генерал-майор Усачев».

В том же роде было обращение и к полковому комитету 27-го полка:

«Полковому комитету 27-го казачьего полка, 1918 г., 21 января, 23 ч., Каменская: Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я надеюсь, что он немедленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую.

Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышлял войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь без помощи посторонних, красногвардейцев. Ввиду появления казаков на ст. Глубокая, – я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачев».

В тот же день, 21 января, генерал Усачев сделал в штабе походного атамана третье сообщение. В «полевой книжке» имеется выдержка из «разговора со штабом походного атамана от 21 января, в 24 ч.». «Разговор» велся с дежурным офицером прапорщиком Терезниковым, по-видимому, по железнодорожному телефону. В выдержке находим новые детали о катастрофе с Чернецовым:

«Полковник Чернецов с 120 человек предпринял обход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со стороны Миллерово, стал отходить в направлении на х. Гусев и Каменскую и, не доходя 7 верст до Каменской, был окружен конными частями, указанными в телеграмме, под командою В. С. Голубова. Произошел бой, и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рассеяны; оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока еще не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали ст. Каменскую, а двинутый отряд полк. Чернецова под командою есаула Лазарева был двинут по железной дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку за подписями полк. Чернецова и войскового старшины Голубова следующего содержания».

Последнее письмо Чернецова. Написано оно карандашом, беспорядочно, торопливо на листке, вырванном из записной книжки:

«1918 г., 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития, прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов».

Под подписью Чернецова имеется и подпись Голубова, сделанная характерным мелким почерком Голубова:

«Войсковой старшина Н. Голубов, 1918 г., 21 января».

С запиской Чернецова к генералу Усачеву приезжал в качестве делегата урядник Выряков 27-го полка. Делегация, посланная генералом Усачевым, придя на станцию Глубокую, никого не застала. Казаки с Голубовым ушли на Миллерово, а Глубокая занята была парти-

занским отрядом полковника Миронова. Обращение генерала Усачева к полковнику Седову и полковому комитету не были доставлены по адресу».

В одном из своих последних приказов разгневанный Каледин назвал разгром отряда Чернецова мятежом. «Наши казачьи полки, – заявил атаман в крайнем раздражении, – подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами Красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красноармейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого подлого и гнусного дела рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество» (**журн. «Донская летопись», 1923, №2, с. 156**).

После этого отряд Н. М. Голубова в составе 10 и 27 ДКП начал наступление на Новочеркасск, практически не встречая сопротивления. Войсковой атаман А. Н. Каледин сложил с себя полномочия и, не видя смысла в дальнейшей борьбе, застрелился. В эти дни трагически закончилась жизнь бывшего командира 10 ДКП Фарафонова. Группа казаков 10 полка, в числе которых были казаки, неоднократно получавшие взыскания от командира полка, встретив его на улице станицы Каменской, повздорили с ним. В ходе и во время ссоры застрелили полковника Фарафонова.

На следующий день после занятия казаками фронтовиками Новочеркасска, в него вошли отряды красной гвардии и матросов, которые начали аресты и расстрелы офицеров. Но, как писал очевидец: *«он (город) потерял много больше, если бы жители и их дома не находили защиту у голубовцев»*.

Казаки 10 и 27 полка не дали большевикам расстрелять офицеров содержащихся на гауптвахте. Были убиты только взятые в первый день атаман Назаров и шесть бывших с ним генералов и штаб-офицеров. После чего казаки вывели на улицы города усиленные патрули и прекратили бесчинства в городе. Через несколько дней отряды красной гвардии покинули город.

Впоследствии, когда 10 (23) марта в Новочеркасске председатель Исполкома Медведев и «Совет пяти» решили начать новую кампанию по ликвидации офицеров и объявили их регистрацию. Казаки 6-го пешего батальона, 10-го Донского и частично 27-го Донского полков и вся артиллерия голубовского отряда, которые, кстати сказать, скрывали в своих рядах многих офицеров и партизан, потребовали прекратить регистрацию. Поскольку власти медлили с ответом, казаки навели на здание Исполкома заряженные орудия. Наиболее одиозные фигуры из числа новочеркасских большевиков вообще покинули город. Отныне власть в Новочеркасске трудно было назвать «советской».

Атаман Назаров А. М.

Однако вскоре, в результате необдуманных действий ВРК Донской области и их предвзятого отношения к казакам, большая часть их отшатнулась от советской власти и поддержала белое движение. В результате чего было сформировано несколько казачьих полков из казаков станиц Гундоровской, Луганской и Митякинской и был образован Гундоровско-Митякинский оборонительный район. Начальником обороны Гундоровско-Митякинского района был назначен войсковой старшина Адриан Гусельщиков, с 4 апреля по 26 мая 1918 года. Впоследствии он стал командиром Гундоровского Георгиевского полка, с 26 мая по 1 октября 1918 года. Но всё это было впереди.

Одним из первых очагов сопротивления в Митякинском юрте советской власти был в районе Тарасовки. В районе хутора Атаманского, Митякинской станицы восставших казаков возглавил сотник Т. Д. Попов, чей отряд дислоцировался в балке Моховатка. Чтобы вооружить своих казаков, сотник Попов разоружает три рудника, лежащие в юрте Гундоровской станицы. В его руках оказалось 140 винтовок и 3000 патронов. Данное оружие было роздано казакам своего отряда. После чего отряд начал вести борьбу против Советов. Вскоре, восставшие казаки Попова, узнав о готовящемся восстании в Гундоровской подходят утром 16 апреля 1918 года к станице Гундоровской и присоединяются к гундоровцам.

(см. Дело Рудакова Н. И. №202 74. НКВД. 1937 год).

18 марта 1918 года в ст. Луганской вспыхивает восстание казаков, недовольных советской властью. Впрочем это выступление обошлось без большой крови, были ликвидированы только органы советской власти.

А 23 марта красные захватили Ростов, и на Дону была провозглашена Донская Советская республика. Вскоре в станице Митякинской атаманское правление было отменено. А символом советской власти, в станице, становится Совет. По всех хуторах Митякинской станицы начались обыски, аресты и расстрелы участников белого движения. По крайней мере так указывается в воспоминаниях митякинцев.

Были арестованы и расстреляны Волокитин Алексей Александрович, как бывший царский офицер, Удовенко (Вдовенко) С. В., Фильчуков Николай Сергеевич, Макеев Илья из хутора Н. Дубы, а так же Миронов П. Я.

К принудительным работам сроком на три года был приговорён Изварин Николай Николаевич из хутора Плотина, Митякинской станицы. После зачисток и расстрелов начался передел казачьих земель в нашем крае. Это сразу же опять затрагивает интересы казачества станицы и её хуторов, что вызывает резкое недовольство казаков.

В апреле 1918 года в Луганск был отправлен поезд с очередной партией задержанных белоказаков и кадетов, активно выступавших против новой власти. Среди них находились известные вожди контрреволюции: генерал Краснянский, полковник Секретев, кадет Коваленко, 34 офицера Марковского полка и другие.

Таких сторонников белого движения красногвардейцы в станице Каменской задерживали часто и после допроса группами направляли в распоряжение Донревкома. Вскоре, однако, стало известно, что Ростовский ВРК, даже не расследовав причин ареста, отпускает их на все четыре стороны. Когда об этом узнали в Каменском ВРК, вновь арестовав прежде уже задержанных белогвардейцев, в Ростов была отправлена телеграмма с требованием разъяснений. На что Ростовский ревком ответил путаным, туманным письмом «о нежелании искусственно обострять отношения в среде казачества и нарушать казачье братство».

Отправлять арестованных в Ростов теперь не имело смысла, и по решению командования их стали препровождать поездами в Луганск. Там имелась крепкая партийная организация во главе с К. Е. Ворошиловым, сильный отряд Красной гвардии из рабочих шахтеров.

Когда состав с арестованными белогвардейцами миновал железнодорожный мост, неожиданно раздался сильный взрыв. Напуганные взрывом на полотне (который кстати, никакого вреда рельсам не причинил), неопытные бойцы открыли беспорядочную стрельбу. В суматохе генералу Краснянскому удалось через окно вагона выпрыгнуть и скрыться. Зарослями, оврагами добрался он до станиц Михайловской, Гундоровской и сразу же приступил к организации отряда для освобождения остальных арестованных.

Белоказаки, предупрежденные заранее о движении эшелона, еще раз организовали налет на него в районе между станциями Ольховка и Луганск, на станции Кондрашевская разобрали полотно, захватили охрану. Восставшие освободили арестованных и те быстро разошлись по близлежащим хуторам и станицам. Красногвардейцев же обезоружили и заперли в сарай. Сутки не давали ни воды, ни хлеба.

В одной из своих работ, луганский краевед **Владимир Федичев** приводит выдержку из доклада полковника Янова Г. П. в войсковой штаб, где описывается тот эпизод другой стороны противостояния: «Казаки станицы Луганской первые на Дону подняли антибольшевистское восстание и свергли у себя советскую власть. 8 марта 1918 года, в районе Кондрашевской платформы они разобрал ж.д. путь в сторону Луганска на 4—5 км., остановили большевистский поезд и отбили 34 арестованных офицеров, которых красные этапировали в луганскую ЧЕКА. Казаки атаковали поезд, вооружившись припрятанным оружием, было слышно как работал пулемёт. Освобождённых офицеров с заботой расселили в самой станице и х. Валуйском. Привезли и тела убитых в том бою, это были местные казаки Зенцев Иаким Иванович (60 лет), Титов Иван Родионович (34 года) и сотник 10-го Донского казачьего полка Михайлов Иван Иванович (по др. сведениям-хорунжий 24-го ДКП). Среди освобождённых офицеров были: полный Георгиевский кавалер, сотник Брыков Александр Иванович, хорунжий Лесников Андрей Иванович, известный генерал Секретев А. С.. С этого момента казачье восстание прокатилось цепочкой по станицам Донецкого округа, Хомутовской, Суворовской станицам и приняло организованный вид».

Как только эта весть дошла до станицы Каменской, командование сразу же выслало вооруженный отряд и бронеавтомобиль. Подойдя к станице Луганской и окружив ее, командир

послал ультиматум мятежникам. «Если не выдадите живыми всех красногвардейцев и освобожденных белогвардейцев – снесем станицу с лица земли. Срок – один час».

Казаки луганцы особо не горели желанием воевать. Поэтому наиболее дальновидные старики-бородачи на всякий случай решили белогвардейцев пока не отпускать. Их кормили, поили, но все же... посадили под замок.

Получив ультиматум, казаки после долгих споров освободили красногвардейцев и тут же попросили себе помилования «за задержку контрреволюционеров». Арестованных офицеров и кадетов снова посадили в вагоны и отправили в Луганск. Правда, полковнику Секретеву удалось сбежать. И он впоследствии стал одним из руководителей мятежа на Дону.

Были среди восставших митякинцы? С большой долей вероятности можно утверждать – были, но кто и в каком количестве это на сегодняшний день не известно. Документы этого восстания хранятся в где-то в украинских архивах.

В станице Митякинской скрывалось около 100 офицеров из Марковского полка. Только 9 апреля, регулярным частям Красной армии, восстание удалось подавить. Все, кто был арестован, были отправлены в город Луганск и по пути следования, в поле, все были убиты. (А. В. Венков. **История Донского казачества. Ростов-на-Дону. 2001г.**)

Но этим данным противоречат воспоминания офицера-марковца В. Е. Павлова. **Приведём здесь отрывок из книги Павлова В. Е. «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов». Т. 1. Париж, 1962 Г.,** о событиях в ст. Митякинской. Из них следует, что в ст. Митякинской, восстания как такового не было, как и его подавления. В многотысячную станицу вошел крохотный отряд матросов в 40 человек, которому ни кто не оказал ни какого сопротивления.

«Станица Митякинская. Большевистская власть в ней еще не пустила глубокие корни. Сорок офицеров, помимо казачьих, осторожно встречаются и обсуждают свое положение. Промысла не видно. Проходят недели... Уже апрель. Вдруг слух: наступают немцы. Больно защемило сердце: результат революции налицо. И вот в эти дни тяжелых переживаний в руки офицеров попадает обращение к русским людям, призывающее их вступить в русский отряд для борьбы за Родину против всех ее врагов. Подписано обращение «Полковник Дроздовский». Откуда оно взялось? Где этот отряд? – никто не знал. Собравшиеся офицеры, прочитав обращение, похмурились и разошлись, не приняв решения. Лишь двое: поручик Незнамов и прапорщик Зверев решили узнать, где этот таинственный отряд, и присоединиться к нему.

Немцы уже близко. Большевистские комиссары оставили станицу. Положение между двух огней: «внешним» и «внутренним» врагами. Казаки решили дать отпор большевикам, если те вернутся в станицу. 40 офицеров присоединились к казакам. В соседней станице Луганской то же решение. Там было до 100 офицеров—неказаков. Но никакого отпора большевикам дано не было. Когда к станице Митякинской подошел отряд матросов в 40 человек с двумя пулеметами, то штабс—капитан, старший среди офицеров—неказаков, увидев, что казаки вдруг отказались оказать сопротивление, решил «сдаться народной власти». Он и несколько офицеров сдались и были взяты с собой матросами, а остальные укрылись в станице.

Где-то стороной прошли немцы, а дня через два в станицу дошел слух: отряд полковника Дроздовского в Ростове, донцы подняли восстание против большевиков... Поручик Незнамов и прапорщик Зверев решают идти искать отряд: для них одинаково неприемлемы и немцы, и большевики. На их предложение присоединиться к ним из офицеров никто не откликнулся, а из казаков лишь два старика. Через несколько дней эти 4 человека прибыли в Новочеркасск, освобожденный от большевиков. В бюро записи в Добровольческую армию они и еще 10 офицеров получили назначение в Офицерский полк, стоявший тогда в станице Егорлыцкой».

Ещё одним очагом напряженности в Донецком округе являлась станица Гундоровская. Отрядам красноармейцев удалось перехватить две подводы с оружием для гундоровцев. Становились известны факты антисоветской агитации. Это вызвало обеспокоенность у камен-

ского РВК. В штабе думали направить туда для выяснения обстановки и несения гарнизонной службы красногвардейский отряд. Но член окружного исполкома казак Алешин – делегат от Гундоровской – горячо убеждал командование:

– Подобная мера обострит обстановку. Надо поговорить с казаками по душам. Сам поеду и уговорю не восставать против Советской власти. Их сбивают с толку офицеры.

Члены окрисполкома поддержали это предложение. Для разговоров «по душам» послали комиссию. С Алешиным поехал член окрисполкома Черноморов – делегат от станицы Митякинской. В Гундоровской они собрали сход на площади. Однако разговора не получилось. После оскорблений представители РВК были сброшены с трибуны и их место заняли офицеры, призывавшие к свержению советской власти. Кто-то ударил в церковный колокол. Над кипящей площадью поплыл тревожный гул набата. И все, кто стояли тут, бросились по улицам, хватывая на ходу из плетней колья, отыскивая припрятанные винтовки, шашки, наганы. Гундоровская восстала.

В связи с этим Каменский РВК принял решение подавить восстание. И в ночь на 17 апреля Каменский красногвардейский батальон уже шагнул ускоренным маршем на станицу. Штаб приказал немедленно восстановить там порядок, выловить и наказать виновных. С рассветом подошли к хутору Малая Каменка.

В хуторе узнали, к гундоровским мятежникам ночью пришло подкрепление. Казаки Митякинской станицы тоже восстали и направили в 300—400 человек в станицу Гундоровскую. Здесь речь очевидно идёт о батальоне сотника Попова, вошедшего в станицу 16 апреля. Утром красноармейский батальон подошёл к Гундоровской и окопался.

Командир батальона Прилуцкий послал парламентария с требованием сдаться без боя и сложить оружие. Гундоровцам нужно было выиграть время для перегруппировки сил, получения подкреплений из дальних хуторов и формирования сотен. Казаки прислали своего представителя для ведения переговоров и выяснения условий капитуляции. Начался обмен посланиями, длившийся около двух часов. Вскоре на позиции приехали Щаденко, Бувин, Литвинов. Разыскав Прилуцкого и узнав, в чем дело, Щаденко выразил недовольство положением вещей и передал гундоровцам ультиматум: сложить оружие через пол часа. Но ответа так и не получил.

В связи с тем, что белоказаки не собирались сдаваться, по станице был открыт огонь шрапнелью, завязался бой. В то время, когда основные силы красных отражали атаку гундоровцев, их конница переправилась через речку Больше-Каменку и вышла у хутора Больше-Каменка в тыл их цепям. Возникла паника и часть бойцов батальона стала беспорядочно отступать. Однако это бегство вскоре удалось остановить и восстановить положение. Ожесточённый бой с переменным успехом шёл до самого вечера. После чего противники отошли на исходные позиции: красные в Каменскую, а белые в Гундоровскую.

Только при помощи артиллерии бронепоезда, который подошёл из Каменска, отряд Романовского К. Э., 19 апреля отбивают Гундоровскую станицу. В станицу вступает отряд красных под командованием Щаденко. Его бойцы две трети станицы Гундоровской выжгли (?), многие её жители, активно участвовавшие в Белом движении были расстреляны, так по крайней мере утверждают сторонники белого движения. Но документальных фактов подтверждающих это нет.

Из воспоминаний Толмачёва И. П. «В донских степях» о сожжении станицы ни чего не говорится. Вполне вероятно, что во время боёв сгорело несколько казачьих подворий, но ни как ни две трети станицы. Эскадры с самовольными расстрелами были, как и провокации с другой стороны, как в случае с гундоровским священником, которого мнимые красноармейцы заставили плясать до бесчувствия и ограбившие церковь. Приведём отрывок из книги Толмачёва:

«В штабе обыскали его. Из карманов и сумки высыпали на стол награбленное церковное серебро. В это время в помещение ввели тех, что щеголяли в бескозырках, хотя на флоте никогда не служили. На допросе они все выложили начистоту. На эту «операцию» их надоумил атаман станицы Гундоровской Маркин. Перед ними поставили задачу: настроить население станицы против Красной гвардии.

Колокольным звоном собрали жителей на площадь. Рассказали о подлых проделках атамана. Потом зачитали приговор военного трибунала: провокаторам – расстрел! Последние слова приговора потонули в мощном гуле одобрения. Тут же, на площади, его привели в исполнение».

Повстанцы Попова и часть гундоровских казаков под командой войскового старшины Гусельщикова переправились на пароме на левый берег Донца, где объединились с подоспевшими казаками из Митякинской и организовали штаб обороны во главе с войсковым старшиной А. К. Гусельщиковым. Осознавая неравенство сил (хотя повстанцы и мобилизовали всех казаков станицы до 70 лет), они направили гонцов за помощью на территорию Украины к гайдамакам и к походному атаману П. Х. Попову. Попов назначил Гусельщикова начальником обороны Гундоровско-Митякинского района.

Гайдамаков гундоровцы не нашли, но зато встретили немцев, к которым и обратились за помощью. Им такое обращение было как нельзя на руку и немецкие части двинулись на станцию Изварино, куда гундоровцы 20 апреля (3 мая) тоже выслали сотню казаков. В боях 20—22 апреля (3—5 мая) казаки с помощью немецкой кавалерии и артиллерии, наступавших вдоль Северо-Донецкой железной дороги, вытеснили большевиков из юрта Гундоровской станицы. Но впоследствии, это обращение казаков станиц Гундоровской и Митякинской, бывшее на руку Белому движению, при изменении политической обстановки на Дону, позволило атаману Краснову обвинить казаков двух этих станиц, в самовольном призыве немцев на территорию Дона.

А когда в мае 1919 года, Митякинскую станицу занял Лейб-Гвардии казачий полк полковника Позднеева (впоследствии генерал-майора), отряд восставших казаков Попова, примкнул к ним.

(Н. Рутич. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. М., 2002г.)

Вначале была сформирована Гундоровская дружина, впоследствии ставшая основой для 23 Гундоровского Георгиевского полка. Командир – Гусельщиков, войсковой старшина. Начальник штаба Коноводов Иван Никитич, есаул, помощник начальника обороны Гундоровско-Митякинского района, в полку с 04.04.1918 по 26.05.1918. 2. Мазанкин Степан, есаул (№513 от 14.07.1918). 3. Пискунов Дмитрий Степанович, командир взвода 5-й сотни, подъесаул (№406 от 27.02.1919). 4. Шевцов Анатолий, есаул Гундоровского отряда (№885 от 04.09.1918). 21 апреля (4 мая) 1918 г. бой у разъезда Плешаковского.

Митякинский отряд возглавил Кустов, сотник. Начальник штаба – Манакин Виктор Константинович, полковник. 29 апреля 1918 г. он был расформирован, власть передана станичному атаману. Впоследствии в ст. Митякинской был сформирован 96 Митякинский пеший полк и 96 конноартиллерийская батарея. В станице Луганской так же был сформирован Луганский пеший полк и Лугано-Митякинский пеший полк, впоследствии разгромленный РККА в августе 1919 года и влившийся в Луганский пеший полк. В его состав входило 674 казака. Из них 576 пеших, при 16 пулемётах. По другим данным при 18 пулемётах.

Тем временем 18 февраля 1918 года, когда германские войска, нарушив статьи Брестского мира, вторглись по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. На юге правое крыло группы армий генерал-полковника А. фон Линзингена наступала из района Ковеля на Киев, Полтаву, Харьков, Ростов-на-Дону; с севера их прикрывала армейская группа генерала Грауна, двигавшаяся вдоль ж/д линии – Пинск-Гомель-Брянск. Части Добровольческой армии

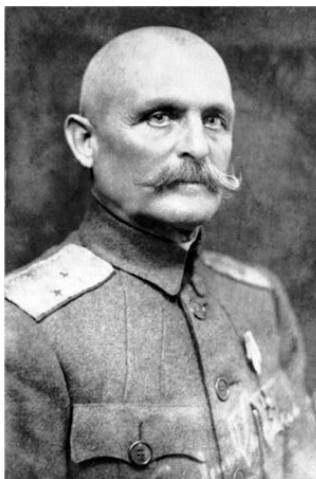
и отряды красной гвардии, не смотря на то, что были непримиримыми врагами, в этой ситуации стали союзниками, стремясь сдержать германское наступление. А вот донские казаки полковника Бармина участвовали вместе с немцами в штурме города.

Положение армии Антонова-Овсиенко осложнилось в связи с наступлением немцев на Харьков, Старобельск и Луганск. Завязалось кровопролитное сражение за Острую Могилу в районе Луганска. В результате этих боёв, Красная армия вынуждена была форсировать Донец и перейти на левый его берег.

Стратегическое положение красных войск резко ухудшается. И без того слабая их оперативная связь, оказалась нарушенной из-за разлива Донца и действий казачьих отрядов.

На ухудшения положения Красной армии отразился и тот факт, что перед переправившимися частями возникла линия обороны от станицы Митякинской до Гундоровской. Эта линия обороны была построена по всем правилам ведения войны; с её окопами, блиндажами и ходами сообщения.

Командовал этой линией обороны генерал-лейтенант А. К. Гусельщиков. Активную поддержку ему оказывали казаки Митякинской станицы. В станице была проведена мобилизация казаков до 70 лет, и они заняли окопы данной линии укрепления. Впоследствии атаман Краснов назначил командующим линией обороны генерала Коновалова.

Генерал-лейтенант А. К. Гусельщиков

«2-ю Донскую казачью дивизию при 8 конных орудиях и одном броневом поезде я сосредоточиваю в районе Луганска для упорной обороны этого направления. Я мобилизую старых казаков Гундоровской, Митякинской и Луганской станиц и в каждой из этих станиц ставлю по 200 таких казаков при двух пулеметах – это составит на всем Луганском фронте около 4 тысячи человек при 8 орудиях. Руководство этим районом я вверяю генерал-майору Коновалову, опытному и решительному офицеру генерального штаба.» П. Н. Краснов» Всевеликое Войско Донское.

Линия обороны Гусельщикова была на острие наступления 8-й армии красных, перед которыми была поставлена задача овладеть городом Миллерово и соединиться с войсками красных, которые продвигались из Воронежа.

Возле станицы Митякинской разгорелись ожесточённые бои. Отдельные населённые пункты переходили из рук в руки. В тылу красных действовали отдельные отряды казаков. Одним из таких отрядов командовал сотник из хутора Атаманского Попов.

Учитывая сложившуюся обстановку на линии обороны Митякинская-Гундоровская, советское правительство оказывает помощь своей 8-й армии. В район Каменска и Митякинской стягивается пехота красных с большим количеством артиллерии и аэропланами, а в рай-

оне Каменска появляются 2 бронепоезда РККА. В ожесточённых боях, части Добровольческой армии Покровского свою задачу не выполнили и вынуждены были начать отступление и станицы Митякинскую и Гундоровскую вошли части РККА.

В ноябре 1918 года резко изменилось международное положение. После ноябрьской революции Германия и её союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. В соответствии с секретным протоколом к Компьенскому перемирию от 11 ноября 1918 года, германские войска должны были оставаться на территории России до прибытия войск Антанты, однако, по договорённости с германским командованием территории, с которых выводились германские войска, начала занимать Красная Армия.

Это в значительной степени осложнило положение Донской армии и атамана Краснова. Он, забыв, что ещё недавно сам призывал казаков заключить союз с германским императором и заключил с Германией договор, теперь, на открытии Круга обвинял в содействии германцам казаков Митякинской и Луганской станиц. И это лицемерное обвинение вызвало глухой протест среди белых казаков. И не только среди них.

Один из вождей красного казачества Ф. Миронов, в обращении к казакам писал:

«В своей речи при открытии Круга Краснов говорил: «Ещё раньше Гундоровская, Митякинская и Луганская станицы призвали самочинно немцев себе на помощь...»

«...Станицы призвали самочинно немцев себе на помощь...» Генерал Краснов! А когда ты приехал победителем на коне и издал свой приказ Всевеликому Войску Донскому – 4 мая 1918 г. за №1, то ты в нем прямо писал: «Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы войска для борьбы в союзе с нами с бандами красноармейцев и водворения на Дону полного порядка».

А теперь, чуя поражение, чуя, что близится время дать ответ пред обманутыми казаками, ты хоть на время стараешься отдалить час расплаты и лжешь пред Большим Кругом собравшихся обывателей и ишкурников, что не ты призвал немцев на Дон, а митякинцы, луганцы, гундоровцы. А еще наглее прозвучала в твоей речи очередная ложь, когда ты, всевеликий разбойник, сказал: «Немцы обещали покинуть землю Всевеликого Войска Донского тогда, когда я скажу им, что это можно сделать без опасности для донской самостоятельности. По соглашению со мной они уводят свои гарнизоны из Донецкого округа, освобождают от гарнизонов Каменскую, Дачкина, Лихую, а также станции Екатерининской дороги». Не ты, жалкий раб капитала и царизма, пожелал удаления немцев и не по соглашению с тобою они покинули Дон, а пожелала этого Советская власть Российской Республики, и соглашение было с нею, а не с тобою, слуга Вильгельма.

Никогда бы ты не согласился лишиться таких союзников, да и немцы не расстались бы с донским хлебом и быками, да у Вильгельма дела плохи. У него тоже революция, а там, на западе, французы да англичане бьют...».

Согласно вышеупомянутым пунктам, атаман Краснов просил кайзера Вильгельма способствовать расчленению России и созданию нового сепаратного государства: «... составить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого Войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии по мере освобождения – и Терского войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие всех этих держав имеется».

Но мало того, Краснов де факто нижайше просил своего сюзерена – германского кайзера Вильгельма, кроме коренных казачьих территорий, присоединить к сепаратной республике часть территорий российских губерний: «Просить признать Ваше Императорское Величество границы Всевеликого Войска Донского в прежних географических и этнографических его размерах, помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским Округом более пятисот

лет и для которого Таганрогский округ является частью Тмутаракани, от которой и стало Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать к присоединению к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станицы Лиски и Поворино и провести границу Войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице».

Де факто, последний приведённый абзац, говорит о признании Всевеликим Войском Донским, своей вассальной зависимости от Германии. Так как исторически, Войско Донское отправляло зимовые станицы только в Москву и С. Петербург, в столицы Российского царства и империи, подданными которых казаки себя считали. После этого, обвинения того же атамана Краснова в том, что это большевики сделали революцию на германские деньги, выглядят по крайней мере не серьёзными. Особенно если учесть, что казачьи части поковника Бармина и другие, помогали германской армии захватывать Донбасс и в частности Луганск. Но пока ещё Донская армия была сильна и предстояли долгие бои.

Противостояние

При подготовке этой главы, использовались материалы: из книги Венклова А. В. «Атаман Краснов и Донская армия», И. Н. Оприца «Лейб-Казачий его Величества полк в годы революции и Гражданской войны».

1 (14) февраля 1919 года красные заняли Миллерово и станцию Красновку. 2 (15) февраля они пытались продвинуться дальше. Им противостояли отряд Туроверова в 947 штыков и отряд генерала Макарова – 1713 штыков, 1546 шашек (из них Мешковский полк – 279 штыков, 10 офицеров; Мигулинский полк – 40 штыков, 156 шашек, 12 офицеров; 12-й Донской полк – 210 штыков, 115 шашек), а так же мобилизованные старики и подростки ст. Митякинской. Красное наступление было отбито.

Однако положение было серьёзное и атаман Краснов, во время переговоров с английским генералом Пулем, уверял того, что он предпримет все меры для укрепления фронта и разгрома большевиков: *«Я принял следующие меры: «2-ю Донскую казачью дивизию при 8 конных орудиях и одном броневом поезде а сосредоточиваю в районе Луганска для упорной обороны этого направления. Я мобилизую старых казаков Гундоровской, Митякинской и Луганской станиц и в каждой из этих станиц ставлю по 200 таких казаков при двух пулеметах – это составит на всем Луганском фронте около 4 тысяч человек при 8 орудиях. Руководство этим районом я вверяю генерал-майору Коновалову, опытному и решительному офицеру генерального штаба».*

4 (17) февраля 1919 года казаки митякинского ополчения укрепились в хуторах южнее Миллерово, а 5 (18) нанесли несколько ударов восточнее и заняли несколько хуторов у слободы Криворожье. Но перелома в боях здесь добиться не удалось.

В упорных встречных боях с 5 февраля на Митякинском и Миллеровском направлении не только не удалось разбить группу красных силами не менее трех дивизий, но наоборот, после ночного тяжелого боя с 9 на 10 февраля казачьи части, бывшие до сего времени крепкие духом, потеряли устойчивость. Выдвинутый последний резерв – группа генерала Постовского – под давлением превосходящих сил противника от наступления переходит к обороне и постепенно осаживает.

Опасаясь быть отрезанными, стали отходить за Донец части Западного фронта белых от Миллерово и ст. Митякинской, и отошли 17 февраля (2 марта 1919 года). Коновалов под Луганском, опасаясь разлива, отошел еще позже – 19 февраля (4 марта). После ухода за Донец началось следствие по действиям генерала Гусельщикова не выполнившего приказ. Станица Митякинская и её хутора были заняты частями РККА.

Красные стремились на плечах отступающего противника перейти замерзающий Донец и ударить на Новочеркасск. Впрочем, Новочеркасск уже рассматривался как второстепенная цель. Донская армия считалась разбитой. 17 февраля (2 марта) главком Вацетис указал командованию Южного фронта: «Прошу обратить внимание на более энергичные действия частей 8 и 9 армий в направлении на станцию Лихая и оттуда в тыл частей противника, сражающегося в Донецком районе и севернее». Но и на Новочеркасск и на Лихую путь лежал через Донец.

10-я армия к этому времени ломая сопротивление арьергардов Мамонтова и широко применяя обходные действия, вышла в район ст. Шутово, установив связь левифланговыми частями с советскими войсками степного участка. Медленнее наступала 8-я армия, которая, имея в боевом составе лишь две дивизии, смогла за это время продвинуться только на 60—80 км. Уже на подходе к слободе Дячкино и станции Глубокой, она встретила упорное сопротивление добровольческих частей генерала Май-Маевского и отборных белоказачьих отрядов генерала Иванова.

Донские казачьи части, противостоящие этому натиску, были обескровлены. Полковник Фолометов, временно командующий Гундоровским полком, 19 февраля (4 марта) 1919 г. доносил Гусельщикову: «Прошу покорно дать от своего имени телеграмму командующему Донской армией с просьбой отдать категорическое приказание окружному атаману Донецкого округа и станичному атаману Гундоровской станицы о немедленной высылке в Георгиевский полк всех казаков, высланных в станицу для сопровождения больных и раненых, а также по другим причинам выбывшим временно из полка». Состояние 96 пешего Митякинского полка было не лучше.

Пользуясь своим небольшим численным превосходством, главком Южного фронта Гиттис решил нанести главный удар по группе Май-Маевского. Против Покровского оставлялся небольшой заслон в 7500 штыков и 600 сабель (1-я Московская рабочая дивизия, 41-я стрелковая дивизия, бригада 42-й стрелковой дивизии). 13-я армия должна была атаковать Май-Маевского с фронта, а остальная часть 13-й армии (8000 штыков и 1900 сабель) и партизаны Махно должны были атаковать его из района ст. Рутченкова во фланг и тыл. Успех операций строился на расчете устойчивости красного заслона против группы Покровского и своевременности прибытия в Луганск 12-й стрелковой дивизии. Но противник сорвал этот план. Группа Покровского сама перешла в наступление против красного заслона на Луганском направлении. 27 и 28 марта передовые части заслона были сбиты со ст. Первозвановка и Картушино. 29 марта противник превосходными силами смял 41-ю стрелковую дивизию и отбросил ее на Луганск. 8-я армия начала последовательно сворачивать свои части на помощь заслону. Противник бил их по частям и ко 2 апреля отбросил 8-ю армию на Луганск. Здесь она оперлась на начавшие подходить эшелоны 12-й стрелковой дивизии. 13-я армия и партизаны Махно оказались предоставленными сами себе. Они достигли некоторых местных успехов, но утратили их, после того как Май-Маевский, избавившись от угрозы 8-й армии, обрушился на них своей конницей.

Не смотря на начавшееся 27 марта наступление на Луганск 12 стрелковой дивизии РККА, донское командование 30 марта (12 апреля) сняло из-под Луганска и перебросило к Репной 1-ю Донскую дивизию (которая успела дойти до Звереве, но участия в боях не принимала) и сведенные в 1-й корпус полковника Н. П. Калинина 8-ю и 11-ю дивизии. Прикрывать Донецкий бассейн остались два пеших полка – Луганский и Митякинский при бронепоезде «Партизан полковник Чернецов».

Неудача наступления частей РККА весьма тяжело отразилась на положении Южного красного фронта, так как во времени она совпала с началом казачьего восстания в тылу, в районе ст. Вешенской и Казанской. Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность советской власти и было распущено по домам целыми полками с оружием в руках, что явилось, конечно, большой ошибкой. Теперь казаки выступили под эсеровскими лозунгами. Восстание подобно масляному пятну ширилось во все стороны от этих станиц. Оно сильно ограничило оперативные возможности Южного фронта.

Тем не менее главком Гиттис стремился во что бы то не стало выполнить поставленную ему задачу. Теперь он решил перенести направление главного удара, и атаковать 9 армией. Две дивизии этой армии (16-я и 23-я стрелковая) за счет растяжки 14-й стрелковой дивизии от устья р. Донец до ст. Каменской должны были сосредоточиться в районе ст. Гундоровской и Ново-Божедаровки. 12-я стрелковая дивизия 8-й армии подтягивалась в район Митякинской. Эти три дивизии совместно должны были атаковать правый фланг Добровольческой армии, в то время как 8-я армия атакует ее с фронта.

На этот раз план был сорван командармом 9-й Всеволодовым. Сосредоточившим 23-ю стрелковую дивизию не в указанном районе, а в районе ст. Усть-Белокалитвенской, в 100 км от 8-й армии. 23-я дивизия 12 апреля переправилась через Донец и овладела ст. Репная, но была с трех сторон окружена противником и с большими потерями отброшена на левый берег Донец. Почти одновременно приступила к форсированию Донец и 16-я стрелковая дивизи-

зия с задачей взять ст. Каменскую. Эту задачу она выполнила 10 апреля, заняв плацдарм на правом берегу Донец и, окопавшись, успешно удерживала его в течение последующих 4—5 недель. Действиями 16-й стрелковой дивизии был достигнут известный тактический успех. С Каменского плацдарма при наличии доброй воли командования 9-й армии можно было развить дальнейшие активные действия. Но оно не проявило ее и на этот раз, и операции 9-й армии окончательно замерли к 19 апреля. Митякинский юрт был оставлен белыми. И тот час крестьяне близлежащих слобод вспомнили про древний принцип: «кровь за кровь, око за око». Они начали мстить казакам за те грабежи и бесчинства, которые совершались в их слободах и посёлках после свержения советской власти.

Из докладной записки члена Донбюро Сырцова в ЦК ВКП (б) о положении на Дону:

«Победы Красной Армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством. Ревкомы под влиянием требований крестьян переименовывают станицы и хутора в волости и деревни. Заложники прилегающих к району восстания станиц, взятые карательными отрядами и переданные волостным ревкомам, крестьянами перебиты. В целом ряде станиц и хуторов выводится из обихода слово „казак“. „Теперь нет казаков и иногородних — есть только крестьяне“, — говорят мужики и жестоко мстят своим недавним угнетателям. Станицы в Миллеровском районе обезлюдели: казаки с семьями и кое-каким имуществом ушли с отступающей армией, зная, что оставшихся ждет крутая расправа. Крестьяне ближайших к станицам Луганской и Митякинской волостей сейчас же, после занятия станиц нашими войсками, приехали на подводах организованным путем забирать оставшееся имущество, видя в нем законную компенсацию за те грабежи, какие казаки систематически проводили по отношению к крестьянам».

Тем временем, начавшееся 11 марта 1919 г. Верхне-Донское восстание, не смотря на своё успешное начало, оказалось в тяжелейших условиях и могло быть подавлено частями РККА. Для предотвращения развития подобной ситуации, командование Донской армии решило оказать помощь восставшим. К театру боевых действий Добровольческой армии были переброшены свежие резервы и соотношение сил изменилось.

Так, если еще 28 марта соотношение сил обоих противников на Южном фронте, на главнейшем участке борьбы, на участках 13, 8-й и 9-й армий, выражалось в почти полуторном перевесе красных, а именно против 41 000 штыков и шашек белых красные располагали 56 000 штыков и шашек, то уже 20 апреля это соотношение сил изменилось в обратную сторону, а именно — против 54 000 штыков и шашек всего красного Южного фронта белые располагали 77 300 штыками и шашками, а к началу мая путем ряда мобилизаций и усиленных формирований довели эти силы до 100 000 штыков и шашек.

Наступление на станицу Митякинскую и далее на Миллерово и соединение с вставшими верхне-донскими казаками, было решено начать 1 мая с захвата переправы через Донец в районе станицы Калитвенской. Для этого следовало захватить плацдарм красных, который прикрывал собой мост. Генерал Секретев решил на плечах красных переправиться через Донец, взять мост целым и немедленно продолжать наступление всем отрядом. Наступление планировалось начать получасовой арт. подготовкой гранатами из 20 орудий, за это время будут уничтожены проволочные заграждения опутывавшие в 8 рядов плацдарм.. После чего, прямо в лоб должны были пойти 78 донской и 96-й Митякинский полк, за ними 7-ая батарея, за ней четыре сотни 80-го Джунгарского Калмыцкого полка, затем 8-я батарея, за которой переправляется 9 дивизия, которая идет сейчас же вправо (восточнее) 8-ой и сменяет 96-ой полк, который переправившись через Донец наступал правее 78-го полка. После всех должны были переправляться — резервы отряда: бригада ген. Постовского, батарея Упорникова. Моральное и быть может главное воздействие на красных должны были оказать две калмыцкие сотни, которые с началом арт. подготовки вплавь должны были переправиться через Донец. Одна

сотня должны сразу броситься на север, чтобы успеть захватить в хуторе в 2-х верстах штаб большевиков, а другая должна была отрезать красных. Они должны были показаться на верху скалы, чтобы «товарищи» видели бы и знали, что калмыки отрезали им путь к отступлению, что заставит бойцов 16 дивизии красных скорее бросить окопы, или же плыть через реку под метким обстрелом батареи Упорникова. А при атаке на пехоту казаки все время должны были кричать: «Калмыки... Калмыки...».

Весь маневр был доведён до казаков, каждый из них знал что делать. И все было разыграно, как по нотам. Услышав крики «Калмыки..» и увидев их от себя вправо от реки, «товарищи» бросились вплавь через реку, так как мост был уже захвачен казаками. Много их погибло в реке под меткими шрапнелями Упорникова. Из двух с половиной тысяч, по сведению штаба красных, мало кого спаслось. На хуторе калмыки захватили весь штаб красных. В результате генерал Секретев силами 3 кавалерийских дивизий 11 мая прорвал оборону центра 9 армии (РККА).

Прорыв генерала Секретева получил решающее значение для всего Южного фронта. Советская «История Гражданской войны» отмечает: «Окончательно надломил силы Южного фронта прорыв центра 9 армии 11 мая на стыке 23 и 16 дивизий. Белые 16 мая дошли до Миллерово, углубившись в тыл красных на 75 километров, окончательно разрезали 9 армию на две части: находившаяся на правом фланге армии 16 дивизия отходила на северо-запад, в район станицы Митякинской, в расположение 8 армии, а 2 другие дивизии, 23 и 14 отходили в общем направлении на северо-восток, огибая район восстания с востока».

Освобождение Луганска, ст. Луганской и Митякинской, белым командование было возложено на 3 Донской казачий корпус (ДКК) с последующим наступлением на Воронеж. Во исполнение этой директивы, часть 3 ДКК двинулась вдоль железной дороги в Воронежском направлении. Другая часть 3 ДКК по взятии 19 мая Луганска двинулась вдоль железной дороги в Елецком направлении. В промежутке между этими направлениями действовала группа генерала Абрамова, уроженца станицы Митякинской. Она состояла из 1 и 2 Донских дивизий. Но дивизии эти были дивизиями только номинально. Так в 1 Донской дивизии, после трех месяцев боёв числилось 250 штыков и 300 пашек, то есть, 50% от личного состава полностью укомплектованного казачьего полка. А так же 4 орудия и 20 пулемётов. Люди и лошади были вымотаны непрерывными боями, однако обстановку требовала энергичного наступления. Так как было необходимо во что бы то не стало сломить боевой дух противника и не дать ему оправиться. Для этого, 1 Дивизия была усилена Лейб-Гвардии казачьим полком.

10 мая конница Лейб-Казачьего полка, по приказу командира 1 ДКД выступила из села Политровка и присоединилась к пешим казакам своего пока, занимавшим участок на правом берегу Донца, от устья оеки Деркул, через село Макаров-Яр, Новобежедаровка, до станции Давыдовка включительно. Штаб полка и 6 сотня разместились в хутре Ильевском. Противник, находившийся на левом берегу Донца, с 10 по 14 мая 1919 года обстреливал передний край полка из орудий, винтовок и пулемётов. В районе Новобежедаровки красноармейцы паромную переправу, но эта попытка была отбита огнём.

В ночь на 15 мая командир 1 ДКД приказал конным сотням Лейб-Казачьего полка переправиться через Донец на пароме у села Суходол и к 12 часам по полудню занять ст. Митякинскую. После чего продолжить движение в северо-западном направлении и выйти к железной дороге между станцией Чеботовка и реки Деркул и разрушить железнодорожное полотно.

На рассвете 15 мая конные сотни лейб-казаков под командой подесаула Агафонова переправились через Донец у Суходола и устремились к хутору Верхне-Грачинскому Гундоровской станицы. Правее хутора Нижне-Грачинского, той же станицы, наступал Гундоровский батальон, сформированный из стариков гундоровцев. Ещё правее наступал Лугано-Митякинский и Каменский полки.

В 5 верстах севернее от указанных хуторов, были расположены одноимённые хутора, но уже Митякинской станицы: Нижне и Верхне-Грачинский. Где располагалось несколько полков большевиков. Узнав о выдвижении белоказаков, большевики нанесли удар по авангардной сотне подесаула Агафонова. Лейб-казаки под натиском превосходящих сил противника отошли в хутор Верхне-Грачинский (Гундоровской), где и заночевали.

По данным разведки в Митякинских Грачинских хуторах были сосредоточены 25, 37 и 41 пехотные полки 2 революционный казачий полк. Кроме того, в соседних хуторах располагались 31, 33, и 43 советские пехотные полки.

16 мая в 3 часа утра пеши части лугано-митякинского полка и гундоровского батальона внезапным ударом выбили противника из Грачинских хуторов. Однако удержать их не смогли, отеснённые контрударом красных они отошли и закрепились на песчаных буграх на версту южнее.

Тем временем в командование конными сотнями вступил прибывший полковник Позднеев. Днём к лугано-митякинцам перешёл разъезд из красного революционного полка. Как оказалось они были мобилизованными верхнедонцами и не горели желанием воевать за советскую власть.

17 мая в 9 часов утра лугано-митякинцы и гундоровцы атаковали Грачинские Митякинские хутора, с целью отвлечь внимание и облегчить продвижение конных сотен лейб-казаков вдоль Донца на ст. Митякинскую. Части РККА ответили контратакой. Гундоровский батальон, атакованный конницей противника, начал беспорядочный отход, грозивший перерасти в катастрофу. Видя это, полковник Позднеев бросил 1 сотню лейб-казаков в атаку с фронта, а остальными двумя ударил во фланг и тыл красной коннице. Ободрённые гундоровцы остановились, и красные были отброшены на исходные позиции.

На этом, активные боевые действия в этот день завершились. Ночью на 18 мая, сторожевое охранение занимала сотня подесаула Агафонова. Остальные сотни находились на попасе за хутором. Утром в сторожевом охранении завязалась перестрелка. Для того, что бы прояснить ситуацию, полковник Позднеев вместе с адъютантом подесаулом Кутейниковым выехал к месту перестрелки.

«На песчаных буграх, где стояло сторожевое охранение, – говорит дневник полковника Позднеева, – какое-то смятение, масса всадников, а затем сильный пулемётный огонь. Сотня подесаула Агафонова отходит. Несут тяжелораненного в живот подхорунжего Черепяхина».

Черепяхин Федот, кадровый довоенного времени урядник. Согласно «Базы данных №2: „Участники Белого движения в России“. Волкова Сергея Владимировича, полный Георгиевский кавалер. « ... высокого роста, красивый казак, умный, рассудительный, отличавшийся храбростью и исключительной боевой добросовестностью, пользовался большим авторитетом и любовью в сотне. принимал неизменное участие во всех боях полка и, сам уроженец станицы Митякинской был теперь убит накануне освобождения станицы, в какой нибудь версте от своего дома, где его ждали отец, мать и жена».

Перед глазами Позднеева предстала следующая картина: вправо от роши в беспорядке отходят старики гундоровцы. Слева разворачивается какая то лава. Из левника боевых действий полка:

«Послал ординарца за 3 и 6 сотнями с подесаулом Авиловым, я его немедленно двинул на помощь старикам гундоровцам. Но тут от подесаула Агафонова узнаю, что влево не его лава, а эскадроны противника, уже заходящие нам в тыл.

Немедленно карьером отрываю подесаула Авилова, а сотней подесаула Агафонова атакую эскадрон красных. Одновременно подесаул Авилов заходит плечёми атакует три эскадрона противника во фланг и тыл. Красные бегут. Наша пехота восстанавливает своё положение.

Кроме порубленных нами, взято 20 пленных принадлежащих 3 эскадрону 33 особого железнодорожного полка (из Астрахани в 4 эскадрона общей численностью в 240 шашек)

заменившего 2 революционны казачий, убранный красными с фронта за ненадёжность. Наши потери: умерший от раны подхорунжий Черепяхин и 3 раненых казака».

19 мая на поддержку Лейб-казакам, гундоровцам и лугано-митякинцев прибыли атаманцы в составе 28 казаков с 1 пулемётом и конная сотня 4 полка с пулемётной командой в 4 пулемёта. Одновременно прибыл полковник Лобов, который будучи старшим по производству, принял командование конницей.

Сотня есаула Агафонова находилась в хуторе, а остальные, в виду отсутствия фуража, на попасе. Ближе к вечеру командование советских войск вновь попыталось атаковать Грачинские Гундоровские хутора, усилив конницу большим количеством пулемётов. Действовали они как и в предыдущий день. Один эскадрон, при поддержке 2 пулемётов обходил гундоровцев с фланга, ещё три, при поддержке 4 пулемётов атаковали пехоту по фронту. Гундоровцы, атакованные с двух сторон, начали поспешный и беспорядочный отход, который мог перерасти в панику и бегство. Видя тяжёлое положение пехоты полковник позднее приказал подъесаулу Агафонову, ударом во фланг красной коннице задержать её продвижение, а сам отправил вестового к полковнику Лобову, просить поддержки.

Полковник Лобов прислал 4 пулемёта, которые остановили продвижение красной конницы, но не более того. Несколько атак подъесаула Агафонова так же оказались не результативными из-за большого перевеса сил. Подошедшие 3 и 6 сотни лейб-казаков, а так же сводная атаманская сотня, развернувшись слева от сотни Агафонова, ударили во фланг красноармейцев и те отошли, опасаясь окружения.

В этот же день, в 4 часа утра, через Донец, переправилась у хутора Манохина, расположенного в 3 верстах от хутора Верхне-Грачинского, пешая казачья сотня сотника Чекунова, усиленная пулемётной командой есаула Болдырева. В то время, когда они подходили к хутору Верхне-Грачинскому, на казаков напоролся красный эскадрон. Бой был короткий и ожесточённый, потеряв много убитых и раненых и один пулемёт, красный эскадрон поспешно отошёл.

Командир гундоровского батальона в этот день особенно горячо благодарил лейб-казаков. Если бы не их поддержка, то батальон прекратил бы своё существование. вырубленный красноармейцами.

К 12 часам 20 мая в Грачинских Гундоровских хуторах сосредоточилась вся 1 Донская казачья дивизия, точнее то, что от неё осталось после многомесячных ожесточённых боёв. В Лейб-Казачьем полку насчитывалось 110 штыков, 64 шашки и 4 пулемёта; атаманцы – 30 штыков, 25 шашек и 1 пулемёт; 3 Калмыцкий полк – 30 штыков и 4 пулемёта; 4 полк – 17 штыков, 60 шашек и 4 пулемёта; прикомандированный к дивизии Чугуевский уланский полк, в составе 60 штыков, 60 шашек и 4 пулемёта. Всего 250 штыков и 300 шашек при 17 пулемётах и 4 орудиях.

Однако приказ по армии требовал прорыва на участке 3 Донского корпуса. Задача была возложена на 1 ДКД, Гундоровский батальон и лугано-митякинский полк. Начало атаки было назначено на 3 часа утра в ночь на 21 мая. Удар должна была наносить лейб-казачья сводная пешая сотня, имея в поддержке атаманцев. Одновременно с ними половина конных казаков должна была начать обход хутора Н.-Грачинского Митякинского с запада. Другая половина – с востока. Артиллерия дивизии должна была поддержать атаку, оставаясь на правом берегу Донца.

В 3 часа утра сотник Григорий Чикунов повёл пешую цепь лейб-казаков в атаку под звуки сотенной гармонии, бойко наигрывавший моти модной в те времена песенки «Карманчики». Ночь была тихой и тёплой, и звуки гармонии слышались далеко. Через некоторое время послышались отдельные выстрелы, крики «Ура!» и частая стрельба в самом хуторе.

Тем временем, казаки сотника Чекунова полностью уничтожили сторожевую заставу противника, своевременно не сообразившую, что ей несут в предрассветной мгле звуки гармонии, и ворвались в хутор, где началась паника. Сотник, разбив сотню на взводы, ввязался в уличный

бой, послав за подкреплением, так как в хуторе было очень много красногвардейцев. Паника и подошедшие резервы довершили разгром красных. К расцвету хутор был очищен от неприятеля. Из допроса пленных выяснилось, что хутор был занят 35 советским полком и 33 особым «железным» конным полком.

Командир 33 конного полка товарищ Лепин был убит во время боя хорунжим Иловайским. При нём оказался планшет с рапортом о боях 17 по 19 мая, в котором указывались потери: полк потерял 102 лошади и 53 всадника. Кроме этого при комполка были обнаружены деньги – 10000 (40000?) руб., тут же розданные казакам. После чего пешие казаки продолжили наступление на ст. Митякинскую.

Тем временем полковник Позднеев с конницей из лейб-казаков и калмыков занял, в обеспечение правого фланга, хутор Верхне-Грачинский Митякинский, отданный противником без боя. Собственно этот хутор должны были атаковать казаки лугано-митякинского полка, но по неизвестным причинам его выступление задержалось и только к 8 часов утра этот полк вошёл в хутор. И только после этого лейб-казаки и калмыки полковника Позднеева продолжили наступление.

В 9 часов были заняты хутора Садковский и Дубовской, а к 3 часам дня казачья конница догнала пешую сотню лейб-казаков и атаманцев, уже вошедших на плечах красных в ст. Митякинскую. По сообщению очевидцев, население казачьих хуторов и станицы Митякинской встречало вошедших белоказаков колокольным звоном и крестным ходом. Казачки в прибранных по праздничному курнях накрывали столы и зазывали к себе лейб-казаков.

За день боёв 21 мая пешими лейб-казаки кроме больших потерь нанесённых красным в ночном бою убитыми и ранеными, взяли в плен 102 красноармейца, 4 пулемёта и большой обоз. Конной сотней подъесаула Авилова в атаке на хутор Маноцкий, было взято в плен ещё 30 человек и два пулемёта. Сотник Григорий Чекунов получил лёгкое ранение в горло.

В результате этой операции, весь фронт советских войск на протяжении 10 – 12 вёрст стремительно откатывался назад. Отступающая масса красных войск могли бы стать лёгкой добычей казаков и артиллерии, но кони, утомлённые днём непрерывных переходов, были не в состоянии преследовать противника. А артиллерия только переправлялась через Донец. По всей видимости командование 1 ДКД не было уверено в успехе операции и не решилось рисковать единственной батареей.

22 мая наступление продолжалось, но уже не такими темпами. 1 ДКД продвигалась не встречая стойкого сопротивления. 23 мая были заняты хутора: Роговский, Ушаковский и Н.-Герасимов. 25 мая была занята крестьянская и враждебно настроенная к белым слобода Волошина. 27 мая такая же слобода Титовка и хутора Чугинские.

Особенно ожесточённые бои в районе станиц Гундоровской, Луганской и Митякинской начались в январе 1919 года. 19 января 1919 года 9-й Донской казачий полк был снят с позиций у Луганска, а в ночь на 21-е января в Луганске началось восстание, которое способствовало быстрому захвату города партизанской дивизией Дыбенко. В результате чего из Луганска была выбита Добровольческая офицерская дружина и 5 донская батарея. Потеря Луганска ставила Добровольческую армию и казачьи части в тяжёлое положение, так как в городе находился патронный завод, выпускавший 500 млн. патронов в год.

Смотр казачьей сотни

Казачи, уходя из города, захватили с собой арестованных 29 «руководителей смуты» и по дороге расстреляли. Отступив из Луганска за р. Северский Донец, казаки и добровольцы расположились на территории станицы Луганской, разрушив за собой железнодорожный мост. Но замерзшая река не являлась преградой и столкновения между противоборствующими сторонами были очень частыми. К тому же жители с. Вергунки совместно с железнодорожным батальоном 4-й Партизанской дивизии восстановили мост. Таким образом, линия фронта установилась по р. Северский Донец. Против красных войск стояли; полк, сформированный из казаков Луганской, Митякинской и Гундоровской станиц и Луганский офицерский добровольческий полк. В минуты затишья красные кричали через реку казакам «Что, не будете нам больше на базар помидоры возить?».

В это время в станицах Гундоровской, Луганской и Митякинской было создано ополчение из казаков, вышедших из призывного возраста. В связи с тем, что советские войска наступали не только со стороны Луганска, но и по железной дороге со стороны Миллерово, грозя тем самым расцечь Гундоровско-Митякинский оборонительный район, он был направлен против красных войск двигавшихся со стороны Миллерово. Воспользовавшись нерасторопностью и беспечностью противника, казаки-старики внезапно атаковав, выбили большевиков из хуторов Красновского и Исаевского, подойдя в плотную к станции Красновка, где были остановлены большими силами советских войск. Перегруппировавшись, казачье ополчение выбило красноармейцев со станции Красновка. Но радость победы оказалась недолгой. Подтянув резервы, большевики начали новое наступление со стороны Миллерово, взяв в осаду казачьи хутора по реке Митякинке. После ожесточённых боёв казаки были вынуждены отступить. Далее автор приведёт рассказ казака Сычёва об обороне Митякинских хуторов зимой 1919 года:

Тяжёлые дни. Оборона и освобождение хутора Чеботовка и станции Красновка Митякинского юрта 1919 год.

«Наступившая в конце января и стоявшая продолжительное время теплая, солнечная погода растворила землю, а близость к хутору Чеботовскому с необыкновенным для хутора движением различного рода повозок, всадников и пеших частей, превратили улицы в невылазную грязь. Дороги по всем направлениям были изборождены глубокими колеями, залиты водой и взмесены сапогами сотен людей. Наступившие затем в середине февраля морозы, сковали следы этого движения в крепкие кочки. Жители испытывая в продолжении двух недельных непрерывных боёв особенно напряжённое состояние, чутко прислушивались к положениям на таком близко лежащем фронте.

Появление красных у станции Красновка и Чеботовка, случилось для жителей неожиданно в ночь с 1 на 2 февраля. В продолжении 16 дней тысячи красных сдерживались двумя полками регулярных войск, численностью не более 150 человек в каждом полку, да способным

носить оружие населением. Всего несколько сотен человек против масс наседавшего противника. На позиции были 60 летние старики и их внуки – часто 12 – 14 летние.

– Ну, детка, иди-ка домой. Ночь заходит. Мать будет бояться, а завтра дашь скотине корму и приходи опять. Да скажи матери, чтобы раньше хлеба выпекла, а ты принесёшь. Кланяйся ей.

Родные гнёзда отстаивали все – и стар, и мал. Девушки и те не сидели без дела: они или подносили патроны на позиции, или в хуторе прислуживали в приёмном покое, в это время преобразившемся в полевой лазарет: одни собирали по хутору чистые тряпки, рвали их и скачивали в бинты, другие исполняли роль сиделок и сестёр, третьи готовили пищу для раненых, мыли полы, стирали и чинили бельё. Тыл работал наравне с фронтом. Те-же бессонные ночи, та-же напряжённость и у всех одна и та-же мысль: «не пустить бы только врага в родные гнёзда».

Между тем, справа красные продвигались вперёд и уже заняли станцию Глубокую и защищаемый стариками и малышами, кусочек родной земли с каждым днём всё больше окружался роковым кольцом. Тыл и фронт знали об этом, но не теряли надежды. Ничтожная горсточка войск продолжала не только сдерживать напор неприятеля, в 20 раз превосходившего численностью, но ещё и бросалась в атаки; сбивала тысячи и брала трофеи. Этими удачами укрепляли в себе надежду.

– Не пустим, ... всё равно не пустим! Не живиться ему нашим добром, не смеяться над Храмом Божьим!

– Умрём, а не пустим – уверял один.

– Тут-то, разумеется, не пустим, а вот Глубокую, мерзавцы, взяли. Отрежут нас – журился другой.

– А может Бог пошлёт и того ... – продолжал надеяться первый, а что «того», он и сам не знал. Уж слишком сильным было желание отбить врага.

Две недели держались старики; лежали в окопах, в грязи, бабы носили им на позиции горячие обеды да мягкие пироги, и умоляли не пускать разбойников.

Всходило и заходило солнце, ярко и тепло по-весеннему грело оно землю, согнало последние клочки грязно-белого снега; шумели по оврагам ручьи, в поле уже заливался жаворонок. Природа пробуждалась, но на неё ни кто не обращал внимание. Жуткое, тревожное было время. Природа как будто оживала, а в «поле» гудели орудия, непрерывно щёлкали винтовки, трещали пулемёты и страдали, и умирали люди .... Люди близкие, дорогие.

Знали жители, что не время весне, что ещё будут холода и не верили теплу, а в месте с неопределённой надеждой на успех, в сердце слышалось предчувствие недоброго. Предчувствие оправдалось...

Около 12 часов ночи, под 18 февраля, через хутор двинулись войска с позиции: участок, вследствие угрозы обхода противником, оставлялся без боя. Была тёмная морозная ночь. Дул с севера жгучий холодный ветер. Население сразу поняло весь ужас своего положения: «красные придут! Что делать?». Ясно было одно: бежать! В ночной темноте по хутору метались люди, бегали, спотыкались о зачоченевшие кочки, падали, вскакивали, и всё делалось молча, точно под покровом ночи исполнялся, какой ни будь заговор. Ворота раскрыты; во дворах возились люди впрягая впотьмах лошадей и наскоро складывая самое необходимое (о многом думать не приходилось). В ночи раздавались звуки поцелуев, всхлипывания – это родные прощались с остающимися для призора «домашности». Жена, тихо, сдержанно рыдая, не хочет выпускать из крепких объятий уходящего мужа.

– Ну будя, золотя Дуня, Бог пошлёт увидимся ещё... Береги ребят... Прости!

Гремя и стуча колёсами по рытвинам и кочкам, проползёт последний обоз отходящей части: за ним потянулись вереницы беженцев и пеших, и конных.

Светало. Хутор опустел. Притих. Изредка покажется то у тех, то у других ворот баба с заплаканными глазами, посмотреть в сторону, куда скрываются запоздавшие повозки убегающих хуторян, зальётся слезами, закроет лицо и шатаясь направится в курень, причитая.: «осталась я с малыми детьми на поруку. До что ж я буду делать?». Да чуя недоброе, жалобно выли собаки. Опустел, замер, притаился хутор после 16 дневной кипучей напряжённой работы. Такая тишина наступает обычно перед грозой.

А обозы беженцев, только что покинувших родные пепелища, спускались в балки, переваливали через гребни, Тонкой ниткой вытянулись у переправы через Донец, и всё дальше, и дальше, уходили от родной станицы (Митякинской). Возле медленно двигавшихся повозок шли, понуря головы, с мрачными лицами хозяева. С последней прибрежной возвышенности донцы окидывают взглядом родные хутора, показавшиеся как на ладони. Глаза невольно наполняются жгучими слезами, и всё тот же назойливый вопрос сверлит голову: «Вернусь ли? ... Увижу ли милый угол и семью?».

И для многих, многих станичников этот взор на свою станицу был последним взором. Многие не вернулись и ни когда не вернутся.

С первого дня бегства для покинувших родной кров начались невзгоды и страдания: голод, холод, болезни и т. п. Путь бегства омрачался трупами павших лошадей, сломанными повозками и нередко холмиками свеженасыпанной земли, без креста или каменной плиты.

Три длинных месяца скитались беженцы под открытым небом без крова и приюта, следуя всегда за фронтом. Как они могли существовать, не имея ни каких припасов и для себя, и для лошадей, в протяжении этих долгих месяцев?

В середине апреля (1919 года) мне около трёх недель пришлось прожить на этом фронте, и здесь я увидел, что все старики, защищавшие Чеботовку и Красновку, и их сверстники, сведены в один полк, а их подводы несли службу обоза полка. Женщины и дряхлые обслуживали обоз, а все здоровые старики и юнцы днями лежали в окопах, ходили в наступление, мёрзли под холодным дождём, стыли ночами на заставах и каждый день ждали приказа о наступлении, где хозяйничали поганые. Исхудалые, издёрганные, заросшие обильными седыми бородами, они не теряли надежды, что скоро красных разобьют и увидят своих близких. «Живы ли только они?». Все хорошо знакомые лица стариков хуторян и станичников. Все те-же, но с большей уверенностью надежды на грядущий разгром красных. Боевая практика закрепила веру в благополучный для нас конец.

Перед боем

– Мы их всегда бьём. Как пойдём в наступление, так побьём и побьём. Они для того и пришли сюда, чтоб головушки поганные тут сложить и сложат.

Везде радушный приём, везде радость встречи своего человека; расспросы, рассказы: « ну как, кубанцы, правда, пришли они? как танки? ... Скоро будут?». Я старался что знал сказать, утешить, обнадежить.

– Это хорошо, что кубанцы пришли. Теперь мы куды... Берегись красненькие!

– А вот наш новый урядник, – показал собеседник на молодое безусое лицо чеботовского почтальона, бежавшего вместе с хуторянами и всё время сражавшегося в рядах стариков, – через Донец 18 марта переплыл, к «серебряным» представлен (представлен в офицерское производство). А Фёдор Павлович к крестику представлен за отличие. А Павла Михайловича, брат, нет, погиб бедняга и Харитон Васильевич с ним. Да много наших нет, – и повествования сопровождаются тяжёлыми вздохами и искренними сожалениями.

Вспоминали прошлую спокойную жизнь, вспоминали родных, знакомых. И так было легко, приятно среди простых искренних людей, у которых ничего поддельного, скрытого или не искреннего не было.

В середине мая мне вновь пришлось быть среди дорогих стариков, но при другой обстановке. Они сражались уже на Левом берегу Донца, вновь выбивали противника из своих хуторов. Разговаривать с ними долго не приходилось. Старики с торжественными лицами и сияющими радостью глазами спешили на позицию и, заметив меня, кивали головами в знак приветствия или народу пожимали крепко руку и гордо заявляли:

– Не нонче завтра будем дома. Ещё силуется наступать! Нет, уж видно мажь загодя пятки салом... Не пообедаешь, – бросил мимоходом бородастый старик.

Было 20 мая. Солнышко по настоящему, по майскому – весеннему грело с неба. По всему было видно, что наше и здесь возьмёт, и лица у всех были весёлые и солнце-то, казалось, светит будто только нам и травка зеленеет, и жаворонок в небе будто только для нас поёт победную песню. А в полуверсте неугомонно хлопали винтовки, ухали орудия и строчили неугомонные пулемёты. Солнце зашло, и разгоревшийся заревом заката запад стал потухать. Медленно мрак ночи окутал и поле битвы и хутор, плотину с околицей, пересечённой линией наших окопов.

Но стрельба всю ночь не затихала по-прежнему, то усиливаясь, то ослабевая, только уханье орудий прекратилось.

В хуторе не спали. Всю ночь по улицам хутора шмыгали конные и пешие люди с донесениями в штаб полка, то в штаб дивизии, которые находились здесь же. Неутомимо работали полевые телефоны. То и дело слышалось: «Немедленно прислать. Наштакор приказал... Слушаешь?». Жизнь кипела, но из штабов, как из мозгов по нервам, сыпались приказания, распоряжения по всем участкам фронта.

Началось утро. С восходом солнца с особенным усердием вновь заухали орудия, залились по всему фронту пулемёты, поднялась отчаянная трескотня винтовок. Всё сливалось в один невообразимый гул. Кажется, небо рушилось. За каждым новым гулом орудия старики и бабы, наблюдавшие за позицией, удовлетворённо вскрикивали: «Ага га-га... Поддай, поддай родимые. Так их, так их анчихристов... Это им не курочек жаренных да яичницу есть... Мучители проклятые».

– Да как же, родимые, – жаловалась старуха, вытирая глаза завеской, – и говорит, казаки больше не придут, – мы их всех в Чёрном море потопим. Вон он, ирод пучеглазый, что ж мне сплясать свелишь, коли у меня там и дед и двое сыновей?».

– Не приведи Бог, чего натерпелись – вставил старик: мучили одно слово: ночь полночь вваливается, жарь ему, вари и штык наставляет. Шапку не снимет, Богу не помолится, а на Спасителя, – это говорит товарищ наш. И как Господь их терпел! Душу вымотали.

Канонада вдруг стихла, все насторожились.

– Что это значит?

– Сбили... погнали проклятых, – крикнул промчавшийся мимо казак.

– Слава тебе Господи, – зашептали старики и бабы, и истово стали креститься.

Красных, действительно гнали. То там, то здесь лежали их трупы; по полю разбросаны ранцы, винтовки, патроны и т. п.

– Зажаривают... Уйди с дороги, – шутили казаки.

Через час – полтора был занят и хутор Чеботовский. На улицах появились навстречу казакам бабы с кусками хлеба и кувшинами молока.

– Ешьте родименькие, ешьте, – голосили они: не думали не гадали видать вас... Обобрали нас, проклятые; всех быков и лошадей забрали.

Весь хутор наполнился гамом: то голосила безутешно баба – мать пятерых детей, узнавшая о смерти мужа, то взвизгивали ребятишки, встретившие отца; и радость, и рядом слёзы тяжёлого горя. Повидавшись с родными, наскоро собравши в ранец домашнего съестного, спешили казаки через гору, откуда ещё доносились редкие орудийные выстрелы.

– Далеко уже наши, – говорили казаки – видно красные жарят все переменным аллюром, без пересадки.

К вечеру хутор наполнился подтянувшимися на ночлег обозами. Засветились огоньки разложенных у обозов костров. Стемнело. Шум уgomонился. В мягкой вечерней темноте, откуда-то поблизости послышался сильный теноровый голос:

«Вой-да там за речушкою, там за быстрою... е-е-вой» ... и несколько дружных голосов подхватили любимую казачью песню: «Там ходили, там ходили млад донской казачок». Зазвенел подголосник. С чувством и любовью исполнялась песня с излюбленными «коленами» и своеобразными, и милыми донскому казаку «е-е-вой», которые вносят в песню характерные черты и красоту, понятную только казакам. Песня повествовала о том, как за той речушкой тяжело раненый казак умирал, и своему другу верному «вороному коню» приказывал «бежать на Тихий Дон, снести родным поклон». А на церковной площади у колодца, поставив вёдра, стояли гурьбой бабы и, затаив дыхание, слушали звуки родной песни, и от времени смахивали со щеки слезу. Долго в эту ночь не спали освобождённые жители, делясь пережитым». **Автор**

В. Сычёв, очевидно казак, житель хутора Чеботовки Митякинского юрта или корреспондент.

Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что эйфория победы у казаков стариков скоро прошла. Красная разведка доносила, что «... большинство солдат из седых стариков-казаков и калмыков; старики при наступлении плачут, говоря, что офицеры их обманули, уверяя, что большевиков легко удастся победить, и обещая поддержку со стороны союзников, теперь же они сознают свою ошибку и жалеют, что начали позорную войну из-за чужих интересов».

Бежавший из плена солдат Сердобского полка показал: «Казаки в пьяном виде часто ссорятся: некоторые говорят, что мы идем за народную власть, но против коммунистов и расстрела, а потому не нужно нам присоединяться к кадетам, и если мы справедливые борцы за свободу, то должны держать фронт против коммунистов и не должны впускать на свою территорию кадетов. Другие говорят, что там нет кадетов, Краснов и все кадеты убежали, а идут молодые наши казаки и офицерство». В письмах из-за Донца контрреволюционеры пеняли мятежникам, что они называли их кадетами, «а мы есть армия Донская, донских казаков и офицерства, идущая за народную власть».

Гражданская война, была в самом разгаре, но многие люди хотели жить мирной жизнью и делали всё возможное для её налаживания. Так в ст. Митякинской были возобновлены занятия в гимназии. 23 июля 1918 года был принят Устав Тарасовского кооперативного культурно-просветительного общества (зарегистрирован Новочеркасским окружным судом 23 августа 1918 года). Учредители общества Г. Е. Дилков, Д. И. Ильинский, Г. В. Кузнецов и др. Обществу представлялось право «устраивать школы, библиотеки, читальни, научно-образовательные учреждения, спектакли, вечера, лекции, выставки, проводить книжную торговлю, содействовать организации всякого рода кооперативных артелей и товариществ...». Членам общества могли быть лица не моложе 17 лет. Основной капитал образовывался из пожертвований, членских взносов и ежегодных отчислений от чистой прибыли.

В отличие от ст. Митякинской и её хуторов, крестьянские слободы поддерживали советскую власть.

Восстание. Воспоминания очевидца, жителя х. Нижняя Макеевка.

«Часть моего детства приходилось на смутное время. Советская власть не во всех хуторах и селах была воспринята благосклонно. В том числе и в нашей Нижней Макеевке. Проходившие через хутор белоказаки говорили, что скоро Советам и большевикам придет конец. Кто будет поддерживать их, того не минет их острая сабля! Аналогично грозились и махновцы. Через наш хутор проходили и красногвардейские отряды. Они-то и устанавливали власть Совета, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Сельский Совет был создан из пяти человек. Первым председателем Совета был избран Безруков Андрей Павлович, из бедняков. Было это летом восемнадцатого. Но править ему Советом долго не пришлось. Па хутор шел крупный отряд белоказаков, Андрей Павлович быстро организовал отряд из двенадцати человек и направился с ними в село Позднеевку. Туда скапливались аналогичные отряды из хутора Чигиринки, из села Белогоровки и других мест. Все они потом влились в полк, которым командовал легендарный герой гражданской войны Щаденко. Громили наши красногвардейцы местные банды из кулаков и белоофицеров, устанавливали на местах Советскую власть, делили землю среди крестьян. Но вот по осени того же года в районе Позднеевки произошло сражение наших отрядовцев с крупным соединением белоказаков. Последние одержали победу над нашими. Раздробленные наши отряды стали отступать в разные места. Товарищ Безруков, командовавший отрядом наших хуторян, приказал отступать поближе к Нижней Макеевке, к змеиной балке, имея цель переждать пока все выяснится. Но их там белоказаки все же настигли и всех семерых, отступивших порубили.

Проскакавший через хутор один белоказак сообщил о происшедшей расправе и велел забрать своих «Красных», как он выразился.

Тут же организовали подводы и поехали к этому месту. Всего подобрали семь человек. Но когда стали класть на подводы, то двое застонали. Были это Андрей Павлович Безруков и еще один уроженец Воронежа, назвавшийся Васильевым. Их потом и отходили. Остальных пятерых, в том числе наших хуторян Кобыляцкого Федора Ивановича и Забарина Петра Тихоновича, и троих не наших, не хуторских похоронили на нашем кладбище, на выгоне. За похоронной процессией с горем и рыданием шли многие. В том числе и мы – дети.

Что еще помнится из тех лет. Когда прошел отряд махновцев, то разбросал он метровые бумажные красивые ленты. Мы их подобрали и принесли диной. Оказалось, это деньги – керенки. Ими потом, наши женщины оклеивали внутренние стенки своих сундуков. А однажды, пошли мы к змеиной балке посмотреть, что там было. Нашли мы там много пустых патронов, пуль из которых потом выплавляли свинец для грузил, а также боевую винтовку. Её у нас отобрали взрослые и куда-то спрятали». Воспоминание взято со стр. Натальи Орленко.

В мае 1919 года белые войска еще дважды занимали Луганск, нанося удары из Гундорово-Митякинского оборонительного района и станицы Каменской. Начиналась борьба за Донбасс...

Подготовка к атаке

Цитирую «Записки» генерала П. Врангеля:

(г. Москва, 1994 г.): «Донская дивизия генерала Калинина нанесла красным ряд тяжелых поражений и овладела городом Луганском». Том «Революция и гражданская война в Украине» (г. Ленинград, 1930 г.) уточняет дату взятия белыми города – «противник вошел в город 4 мая».

Действительно 4 (17) мая гвардейская казачья бригада атаковала под Луганском позиции красных в конном строю при поддержке огня бронепоезда и пешего Гундоровского батальона, который бежал в атаку вслед за скачущей конницей. Слева гвардейцев должна была поддерживать 2-я Донская дивизия, но не сдвинулась с места. Атакующие гвардейцы достигли окопов противника, изрубили батарею и взяли несколько пулеметов, но, не получив поддержки слева, отошли.

5 мая В. Ленин телеграфировал Украинскому Советскому правительству в Киев: «Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу».

15 мая красные, собрав потрепанные в боях части в ударную группу в районе Родаково, выбили белых из Луганска. Белые отошли. Провели мобилизацию. Результат: к концу мая Донецкая группа войск (с мая – Добровольческая армия) В. Май-Маевского выросла

с 9600 человек в апреле до 26000. 27 мая добровольцы взяли Луганск. Но цель – патроны – достигнута не была! На заводе не оказалось необходимого для их производства – мельхиора, латуни, капсюлей. Удалось лишь наладить подгонку иностранных патронов к русской трехлинейке и производство ведер, кружек, сковородок. Патроны завозили с таганрогского завода, мощностью 300000 тысяч патронов в сутки. Под добровольцами Красный Луганск находился до декабря.

С 15 по 20 мая (28 мая – 2 июня) 1-я Донская дивизия, Гундоровский батальон, Луганско-Митякинский и Каменский полки вели тяжелые бои на подступах к станице Митякинской и, наконец, сбили противника. Донские партизанские отряды 21 мая (3 июня) с боем заняли Митякинскую. 28 мая (10 июня) с боем заняли Городище. 29 мая (11 июня) бой за Беловодск, заняли Беловодск, после чего были отведены на отдых и пополнение.

Большевики, накануне отступления с левого берега Северского Донца и оставлении станицы Митякинской, в конце мая 1919 года произвели аресты несколько десятков наиболее уважаемых стариков станиц Гундоровской и Митякинской, за «вредительские настроения». Их под конвоем отправили в Тарасовские лагеря. Однако до места назначения они так и не дошли. Оставшиеся в тылу красногвардейцев казаки Гундоровской и Митякинской станиц, вооружившись перебили конвой и освободили стариков, которые потребовали дать им оружие для борьбы с большевиками. Об этом мы узнаём из разведсводки подписанной Шляхтиным Н. Я.

Из воспоминаний Вацетиса, главнокомандующего вооружёнными силами РСФСР:

«16-я стрелковая дивизия 9-й армии только лишь заканчивала смену 12-й стрелковой дивизии на участке от устья р. Калитвы до ст. Митякинской. События, развернувшиеся 13—14 мая 1919 года в районе хутора Грачевского (Грачинского), представляют некоторый тактический интерес, почему мы считаем необходимым на них несколько остановиться. Прорываясь в район хутора Грачевского, противник быстро распространяется на северо-восток и к утру 14-го передовыми частями подходит к станции Глубокой, выставив слабые заслоны на запад против станицы Митякинской, где была расположена кавалерийская бригада 16-й дивизии, и на восток – против станицы Старо-Каменская, не доходя до нее к вечеру 13-го на 6—8 км. Захват противником станицы Старо-Каменской (Старой Станицы) означал бы захват всех переправ в тылу Каменского плацдарма, что могло бы привести к окружению расположенных на нем частей (16-й и 23-й дивизий). Однако, устремляясь на северо-запад, по видимому, на соединение с вёшинскими повстанцами, противник не использовал этой возможности. В ночь с 13 на 14 мая командование 16-й дивизией бросает Каменский плацдарм и с освободившимися силами на рассвете 14-го переходит в энергичное наступление на запад, нанося главный удар вдоль р. Донец и отрезая тем самым прорвавшуюся группу белых от переправ. Одновременно во фланг и в тыл этой группы белых в направлении на хутор Грачевский действует со стороны станицы Митякинской кавалерийская бригада 16-й стрелковой дивизии.

Для ведения следствия по делу участия казаков станицы Митякинской и её хуторов в казачьих восстаниях, на хутора Митякинской станицы был направлен следователь Миллеровского ревтрибунала Щербаков. Он получил широкие полномочия. «Всё, что сделаете вы в Митякинской, мы тут в Миллерово утвердим!». «Москву о расстрелах не извещать! Необходимо нагнать страху на бандитов». Такую задачу поставили перед ним. Ему в помощь было выделено 3 человека: шахтёр, крестьянин и полуинтеллигент-рабочий Федосеев, бывший секретарём. Кроме этого следственной группе были приданы 20 красноармейцев.

Следователь Иван Щербаков был сыном богатого тамбовского крестьянина, перебравшегося на постоянное место жительства в станицу Урюпинскую, где продолжил успешно торговать. Учился в гимназии, после Октябрьской революции 1917 года поддержал большевиков. В 1918 году вступил добровольцем в Московский рабочий полк. В начале июля 1919 года перевёлся в 1 Хопёрский красный казачий полк, где вначале служил в 5 пешей сотне, а затем в 1 сотне. После того, как белые войска были выбиты из ст. Урюпинской, находился там, на пар-

тийной работе. В обязанности Щербакова входила и продразвёрстка, во время которой он изъём спрятанное зерно у своих родственников. После чего его перевели в ЧК. Осенью 20 года, во время Врангелевского наступления, Щербаков отправился добровольцем на фронт. Однако по прибытию на станцию Миллерово, стало известно о разгроме Врангеля, и бывший командир его сотни сагитировал Щербакова остаться работать в Миллеровском ЧК. Вскоре после этого, он и был направлен в ст. Митякинскую для борьбы с бандитизмом, так как окрестные леса кишели прятавшимися там белоказаками.

Не обошли белоказаки своим вниманием и следственную бригаду, которой практически каждый день приходилось вступать в перестрелки и хоронить своих товарищей. Это ожесточало и следственная группа действовала соответственно принципа: «кровь за кровь, око за око». Прятавшихся в лесах белоказак нужно было лишить поддержки населения, и потому было объявлено, за всякую им помощь и поддержку всех «пособников бандитов» ждал расстрел. Аресты подозреваемых велись по информации осведомителей, при чём, если информация приходила от своего осведомителя, то ей доверяли, более не проверяя ни чего.

Сколько же их было убито на берегах Северского Донца сегодня уже никто не подсчитает. Старожилы утверждают, что расстрелы проходили на берегу Донца в Жёлтом яру. Чтобы избежать расстрела, вынужден был покинуть станицу жандарм Пронин. Всю жизнь скрывался от преследования советской власти Рудаков Алексей Ильич. Вскоре, в станице, были арестованы: инспектор высшего начального училища О. С. Львов, надзиратель училища, коллежский асессор В. К. Темников, учителя: П. П. Харланов, Хурак Я., Сусал-Демократов. После ареста, их уже больше никто не видел. (информация В. И. Палагуты).

Впрочем, расстрелы не проводились без суда и чекисты расстреливали не всех подряд. Известен случай, когда арестованный молодой белоказак выдал любовницу командира отряда. Но та, не смотря на порку розгами ни чего не сказала, и следователь Щербаков отпустил её с миром. Впрочем, трибуналы, не смотря на вседозволенность, не бесчинствовали: заложников не брали, дома не сжигали, женщин не насиловали. Прибывшие вскоре из Ростова чекисты охладили пыл миллеровских трибунальцев. «Уймись ребятки – сказали им. – Наломали вы тут дров, каких то „пособников“ придумали – постреляли. Да и барахло себе гребёте». И миллеровские чекисты от греха подальше отбыли в Миллерово.

Мирная жизнь, бандитизм

При написании данной статьи, автор использовал материалы: статья **митякинского краеведа В. И. Палагуты «Историческая справка»**, воспоминания **Ткачёва А. П.**, газета **«Молот» №1 1997 год**, воспоминания **дочери Погорелова И. С., Анны Ивановны**.

Осенью 1920 года на почве недовольства крестьянством продразверсткой и ареста органами ВЧК ряда богатых крестьян, белогвардейскому полковнику Смелову удалось поднять восстание ефремово-степановских крестьян. Повстанцы глубокой ночью разоружили третий стрелковый полк, который прибыл с Курно-Липовки и был расквартирован в Ефремово-Степановке. К восстанию примкнули и позднеевские крестьяне.

Ища поддержки у окружающих слободах и посёлках, восставшие отправили ряд гонцов в окрестные селения. Прибыли гонцы и в Кашары, прося местное население и жителей окрестных сел присоединиться к повстанцам. Но кашарцы ответили отказом и организовали борьбу против мятежников. Для подавления восстания, из Миллерово стали выдвигаться советские части, и в мятежные слободы и посёлки направлены агитаторы, призывавшие крестьян одуматься.

Большая часть восставших, поняв, на какой гибельный путь завел их полковник Смелов, перешла на сторону Советской власти, сложив оружие. Остатки отряда Смелова были разгромлены Коммунистическим и Караульным батальонами совместно с Миллеровским конным резервом.

Для того, что бы стабилизировать обстановку в районе станицы Митякинской, в октябре 1921 года в станицу прибыл и был расквартирован 15-й Самарский стрелковый полк. Перед комсоставом полка было поставлено две основных задачи. Это борьба с бандитизмом и привлечение местного населения на сторону советской власти. В результате чего, отряд полковника Фёдорова был вынужден перебазироваться из окрестных лесов в балку Моховатку, не далеко от слободы Тарасовской.

Командир полка Гостев и военный комиссар Рождественский, совместно с местными коммунистами, развернули большую работу по политическому воспитанию населения и ликвидации неграмотности среди населения станицы. В этом же году (1921) в станице была открыта изба-читальня, фонд которой насчитывал всего несколько десятков книг. В этот период в станице была организована и полковая библиотека. И как вспоминает Ткачев А. П. «была даже организована маленькая студия при избе-читальне». Заведовала в то время избой-читальней Пономарева Евдокия Константиновна. На огонёк собирались станичники: Евдокия Константиновна пересказывала последние новости, читала вслух газеты, отрывки из книг, велись политинформации. Изба-читальня была главным источником информации для станичников. Под руководством Миртова А. В. учащиеся школы собирали казачьи песни, пословицы, загадки. При нём была написана пьеса на тему казачьего быта «Лушина доля». Большую помощь в организации библиотеки оказала работавшая тогда делопроводителем Старосколькова Прасковья Ивановна.

В библиотеке велись различные заседания вновь создаваемых обществ (общество борьбы с сусликами летом, женотдел, выпускалась стенгазета, которая называлась «Лёгкая кавалерия» – еженедельно).

Подробнее остановимся на личности Алексея Васильковича Миртова, известнейшего советского методиста и лингвиста, профессора, доктора филологических наук, крупного специалиста в области истории языка, диалектологии, современного русского языка. Во всех его биографиях указывается, что родился он 8 августа 1886 г. в Симбирске. В 1906 г. поступил в Петербургский университет, который окончил с дипломом I степени и званием кандидата наук. С 1917 г. был учителем гимназии в донских станицах, В 1919 году был избран директо-

ром учительского института в Краснодаре и принял участие в его реорганизации в педагогический институт. С 1920 года работал в Донском педагогическом институте (Новочеркасск), где был деканом литературно-исторического факультета и секретарем дошкольного, организовал кабинет родного языка, этнографический научный кружок, председательствовал в созданном в городе «Обществе по изучению быта и истории Дона». С весны 1925 года работал в Донском университете, где читал курсы русского языка (научный курс грамматики), диалектологии русского языка, методику родного языка и литературы и по совместительству – языкознание, проводил активную диалектологическую работу

Алексей Василькович Миртов

При этом нигде не упоминается, что он был преподавателем в ст. Митякинской, за исключением воспоминаний местных жителей. Между тем, если верить его биографии, то непонятно, как он мог написать и опубликовать статью: «Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы», если он ни когда не был в наших местах.

А между тем 1923 году изба-читальня продолжает функционировать и пополняться литературой. При ней организовывается драмкружок, которым руководят и участвуют в нём преподаватели И. В. Савельев, **А. В. Миртов**, доктор Рудаков, учащиеся школы. Возможно, что этот период жизни учёного Миртова связан с событиями, которые он не хотел афишировать?

В избе-читальне ст. Митякинской проходил траурный митинг 21 января 1924 года, когда в станицу пришла телефонограмма о смерти В. И. Ленина. Текст телефонограммы был зачитан председателем Митякинского волисполкома тов. Рыновым, а местный поэт Исаев А. П. прочитал стихотворение, посвящённое памяти В. И. Ленина.

Как только в станице появилось электричество, в избе-читальне был установлен 4-х ламповый радиоприемник. Его установил лично начальник отделения связи Щербаков Иван Васильевич. В 1931 году при избе-читальне создается мини-театр «Темп», а в клубе появилась киноустановка. Библиотека совместно с киномехаником обслуживала и полевые станы, и животноводческие фермы. Сначала лекция, а потом фильм, который демонстрировал первый киномеханик станицы Митякинской комсомолец Пашенцев Григорий. Первый фильм, который посмотрели жители Митякинской станицы, был художественный фильм « Чапаев».

Из воспоминаний Ткачева А. П.: «В 1933 году наша библиотека получила книгу „Поднятая целина“ М. А. Шолохова. Каждый день, после трудового дня усталые мы шли в избучитальню, чтобы послушать роман о нашей жизни. Такой трудной и непонятной...». (**Из воспоминаний Ткачёва А. П., газета «Молот» №1 1997 год.**)

В результате советской реформы образования, которая проводилась в стране, в станице была образована школа крестьянской молодежи 2 ступени. Для школы, в 1926 году, было построено новое школьное здание. Директором школы назначили И.А.Руденко, а учителями были Комарова М. А., Ерёмина А. И., Леонтьева О. С., Руденко О. С., Кубанов И. Т., Криушина А. С., Арефьева З. К., Кватернюк М., Коломыйцев А. Н. и др.

Проводником советской власти в Митякинской станице становится её партийная организация. В июне 1920 года в станице была организована такая партийная ячейка. Секрета-

рем партийной ячейки была Заморская А. Н. Одним из первых, в партийную ячейку вступает Ф. А. Криушин.

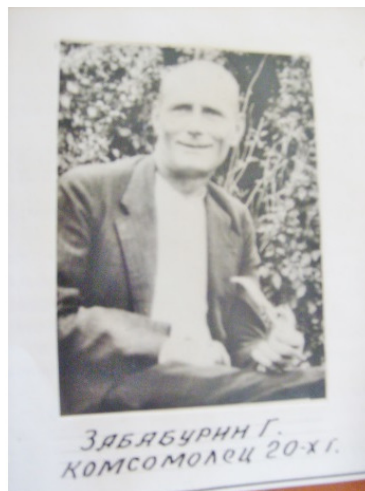
Комсомолец 20 годов Бочеров И. Г.

Комсомолец 20 годов Бессарабов С. Ф.

Комсомолец 20 годов Бессарабов Н. Ф.

Комсомолец 20 годов Забабурин Г.

При партийной ячейке была организована и комсомольская ячейка. Её членами были Пётр Сутормин, Бочаров И. Г., Василий Бессарабов, Иван Никишин, Евгений Жданов, Иван Погорелов, Николай Весенко, Анатолий Фетисов, Михаил Холодилин, Николай Бессарабов, Сергей Бессарабов, Григорий Забабурин, Андриан Исаев, Старосколыцев П. Н., Николай Воронцов и др.

Комсомолец 20 годов Старосколыцев П. И.

Комсомолец 20 годов Погорелов И. С.

Комсомолец 20 годов Сутормин П.

Председатель Асовиахима при ПК ВКП б Таякин П. М.

Все комсомольцы являлись бойцами ЧОН (части особого назначения). В их обязанности входила борьба с бандитизмом, охрана государственных учреждений, проведение продразвёрстки, составление обозов и их сопровождения до пункта назначения. Лошади или быки для

этих нужд, а так же подводы, брались у станичников. Вскоре, весной 1922 года, Комсомолец Сутормин попал в засаду и был убит в перестрелке с белоказаками выстрелом из винтовки у митякинской школы. Его похоронили на территории школы.

В это время, на участке от Луганска до Каменск-Шахтинского летом 1921 года действовали казачьи отряды Попова, Петренко, Ковалёва, Усачёва, Кошелева, Сибилева, Забабурина, Фёдорова. К сожалению конкретных сведений, об этих отрядах найти не удалось. В 1921 – 1922 годах, в районе станицы Митякинской действовала группа Попова, но очень быстро была разгромлена местным отрядом сомообороны, сам попов с 4 казаками добровольно сдался. Численность этого отряда составляла около 50 человек. Среди них было два офицера из хутора Чеботовки, бывший атаман станицы Митякинской, и как поговаривали, даже «генерал» из хутора Прогнойского. Эта группа дислоцировалась в Митякинских лесах и совершала нападения на партийных и советских работников как в самой Митякинской, так и в хуторах Дубовском, Нижние Грачики, Садки, Средне-Дубовском.

Об отряде есаула Чугреева будет рассказано ниже, после очерка о И. С. Погорелова.

Огромную дерзость и отвагу, в борьбе за установление советской власти в станице Митякинской, проявил Иван Семёнович Погорелов (1904—1975 г.).

Герои Гражданской войны, справа Николай Весенко, слева Иван Семёнович Погорелов.

Приведём здесь воспоминания его дочери, Анны Ивановны.

«Мой отец, Иван Семенович Погорелов, родился на хуторе Патроновка Тарасовского района Ростовской области 13 августа 1904 года. Он на год старше Михаила Александровича. Оба родились на Дону. В семь лет отец остался круглым сиротой, жил у бабушки в станице Митякинской, будучи своей бедной родне в тягость. Когда ему еще не исполнилось шестнадцать, отправился из станицы искать лучшей доли. Приехал в Луганск, не имея там ни родных, ни знакомых. На вокзале на него обратил внимание один из чекистов, пожалел бездомного,

привел в свою семью, присмотрелся к нему и... предложил работать там, где работал сам, – в ЧК.

Как разведчика Ивана Погорелова «внедрили» в отряд, который вел бои с регулярными войсками. Но и там имели агентуру (белоказаки).

Когда однажды захватили группу красноармейцев (в районе ст. Гундоровской), один из «пленных», оказавшийся тайным агентом, опознал и выдал папу, – рассказывает дочь Погорелова. – Повели его вместе с захваченными красноармейцами на расстрел. Отец не стал ждать, пока приговор приведут в исполнение. И в бешеном прыжке перепрыгнул яму, куда должны были сбросить расстрелянных. Ушел от погони, спрятавшись в шахте. Пулю, раненый в ногу, унес с собой. Выжил. Стал с тех пор действовать особенно осторожно. До начала боя, как разведчик, старался выполнять задания в одиночку, переодевался, ходил под видом нищего». Эти слова дочери Ивана Погорелова дополняют записи в военном билете.

«10.1.20—12.1922 г. Уполномоченный по борьбе с бандитизмом и командир особого назначения отряда. В боях с белобандами в 1920 – 21 г. три ранения».

Про одно ранение нам известно. Другие получены при столь же чрезвычайных обстоятельствах. Смерть много раз в юности пыталась его настичь, но он уходил от нее, как тогда, перед расстрелом. После гражданской войны в ростовском журнале «На подъеме» в июньском номере 1928 года появился очерк Вс. Воскресенского под названием «Миллерово». Из него явствует, что Ивана Погорелова называли «красным дьяволенком», первым донским казак-комсомольцем, утверждалось в очерке и то, что он «сражался в одиночку». По этому поводу сам Иван Семёнович Погорелов заметил: «Неправда, был у меня отряд».

Правда была в том, что в расположении врага, на людях Иван появлялся один, связанной находился поодаль. Отряд располагался в укрытии. Так было и в тот раз, когда два часа отбивался один от множества нападавших (как в последствии выяснилось, в этом отряде было 40 человек, нескольких из них Погорелов убил или ранил). Помогло то, что умело, выбирал огневую позицию – яму на дороге, а также то, что всегда ходил, обремененный оружием и боеприпасами. У него было два маузера, два нагана, четыре гранаты, карабин, много патронов. Вот это плюс умение стрелять позволило одному сдерживать многих. Прибывший к месту перестрелки отряд не ожидал увидеть в живых командира. Спешили, чтобы отомстить. Спасли раненого, но живого. За ним охотились, он же верил в предчувствия. Очень был чуток ко всему, что происходило вокруг. Попав в засаду в курене своей тети, сумел невредимым вырваться из огненного кольца.

Третью рану получил, выследив и пленив в хуторе Камышнов бывшего полковника царской армии, некоего Федорова. Иван в одеянии нищего выглядел подростком, умел разыгрывать сироту, попавшего в беду, вызывая у сердобольных казачек слезы. Таким образом, от одной проникшейся к нему жалостью старухи выведал, в каком курене прячется неуловимый полковник. Поговорил с ним и поспешил к своим. Вот тогда и вступил в дело отряд. Началась перестрелка. Пришлось курень поджечь. Федорову ничего не оставалось, как спастись через чердак, откуда он попал в руки «сироты». Но глаза в той перестрелке командиру отряда обожгло. Вот почему на снимке двадцатых годов Иван Погорелов в очках. За тот бой награжден орденом Красного Знамени за №3848. Более высокой орденой награды тогда у республики не было.

Сохранилось удостоверение. В нем сказано: «Предъявитель сего тов. Погорелов Иван Семенович действительно награжден орденом „Красное Знамя“ за №3848 по личному составу армии, что подписью и приложением печати удостоверяется». Затем Погорелов отслеживает в хуторе Елань и в хуторе Можаевка отряды белоказачков, противников советской власти, сообщает об их местоположении и подступах к ним в город Луганск, в ЧК. Этот отряд был вскоре, так же был уничтожен. После этих событий, И. Погорелов, в станице Митякинской, во время перестрелок убивает ещё четырёх белоказачков, это были люди, которые активно боролись про-

тив советской власти стремились свести с ним счёты. Так же он помогает частям ЧК ликвидировать отряд казаков, противников советской власти, в х. Грачики.

Персональным пенсионером Иван Погорелов стал в конце двадцатых годов, молодым. Три ранения, хромота. Пришлось расстаться с военной службой. Хотелось учиться. Поступил Иван Погорелов, сумев подготовиться, в Новочеркасский индустриальный институт, на факультет, готовивший инженеров электриков. Специальность по тем годам престижная и даже романтическая. Хотелось ему, коммунисту, быстрее, по «завету Ленина», электрифицировать страну. В институте пришлось не только учиться. Его, студента, избрали секретарем парткома института.

Даже когда Иван Погорелов учился, война для него не кончилась. Слишком многие белоказаки предъявить ему счёт. Однажды от пули спасла его дочь. Ей было тогда два года. Она первой увидела в окне «дядю», который целился в отца. Иван Погорелов и на этот раз опередил выстрел, с дочерью в руках рухнул на пол. Террорист промахнулся. Приходилось Погорелову иногда участвовать в операциях по изъятию хранившегося незаконно оружия.

Еще один дополняющий образ И. Погорелова документ, сохранившийся на обветшавшем листке. В его левом углу, вместо бланка, кто-то старательно вывел большими буквами слова: «РСФСР, сельсовет», стараясь придать буквам торжественность и официальность, подобающую любому документу. Текст его гласил: «Дано сие гражданину поселка хутора Патроновка Погорелову Ивану Семеновичу, что он действительно сын хлебороба, бедняка, имущественное положение: нет ничего. Что и удостоверяется».

В 1937 году Новочеркасский индустриальный институт выдвинул Михаила Шолохова кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. По-видимому, именно тогда как секретарь парткома Иван Погорелов, занимаясь выборами, устраивал встречи кандидата в депутаты с избирателями и познакомился с писателем. Хотя секретарь Вёшенского райкома партии П. Луговой, в своих воспоминаниях пишет, что И. С. Погорелов занимался электрификацией ст. Вёшенской, где и познакомился с М. А. Шолоховым.

Герои гражданской войны Погорелов И. С. и Весенко Н.

Избранный в Верховный Совет СССР, Михаил Шолохов получил депутатскую неприкосновенность. Местные власти не могли решить его судьбу без Москвы. А расправиться с Михаилом Шолоховым сотрудники областного НКВД намеревались по простой причине. Так как не раз писатель восставал против беззакония, репрессий, преступных «хлебозаготовок», грабежа казаков, злоупотребления властью, невзирая на лица, и у себя в районе, и в крае.

Первое письмо Михаила Шолохова о таких делах, посланное Е. Г. Левицкой, как нам известно, попало в Кремль, к самому вождю, еще в 1929 году, а спустя четыре года состоялся обмен письмами между Михаилом Шолоховым и Сталиным. Снова речь шла о преступлениях на Дону совершаемыми некоторыми партработниками и сотрудниками НКВД.

Далее, в 1937 году, Михаил Шолохов встал горой за невинно пострадавших руководителей своего Вешенского района, сидевших в тюрьме на Лубянке. Снова обратился (через головы руководителей края) в Москву. Добился того, что вопрос решался в кабинете Сталина.

В сентябре 1938 года И. С. Погорелова вызывают в Ростов, в НКВД, где он получает задание войти в доверие к М. А. Шолохову и узнать все его связи, которые якобы были направлены против советской власти. Так как М. А. Шолохову Ростовский НКВД вменял подготовку восстания казаков на Дону.

И. С. Погорелов, понимая, что сотрудники областного НКВД хотят ликвидировать М. Шолохова, честно об этом всё рассказывает писателю и просит его немедленно выехать в Москву на приём к Сталину и там искать защиты. Сам же Погорелов, после девяти дней подпольной отсидки на Займище под Ростовом, через Украину, выезжает в Москву.

В Москве Погорелову не удается добиться встречи с партийными руководителями и тогда он пишет письмо самому Сталину, в котором раскрывает замыслы по убийству Шолохова. Понимая, что ему самому угрожает смерть, Погорелов, после поездки в Москву, скрывается в родных местах. Он скрывается в хуторе Патроновка, у своих друзей. Ночевал в сарае на сене, а днём уходил в густой лес и там находился до наступления темноты.

Но постоянно Погорелов испытывал тревогу за свою жену, которая осталась в Новочеркасске. Тревожась за свою семью, он решил покинуть станицу и уехать к своей семье. В Новочеркасске И. С. Погорелова, уже искали по приказу Сталина. К нему на квартиру несколько раз приходили партработники, расспрашивая его жену, о том, где он находится. Убедившись, что разыскивают его не сотрудники НКВД, и переговорив с секретарём горкома Данилюком, Погорелов выезжает в Москву. В Москве он является на приём лично к Сталину рассказывает о заговоре против Шолохова и тем самым спасает жизнь писателю. Умер И. С. Погорелов в 1975 году, в городе Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище. (Молодая гвардия. №5 1989 г.)

Есаул Чугреев

В треугольнике Луганск – Митякинская – Каменск, летом 1921 года действовали многочисленные отряды Петренко (также известного под именем Петро Молния), Ковалёва, Усачёва, Кошелева, Сибелёва, Забабурина, Чугреева, Фёдорова. Основным местом их дислокации были Митякинские леса, расположенные у слияния Деркула с Северским Донцом. В донесениях того времени часто встречаются такие строчки: *«Банда вышла западнее Митякинских хуторов, повернула на север по реке Деркул до Деркульского государственного конного завода»* или *«Банда прошла по сёлам, расположенным по рекам Деркул и Камышинная – обычный маршрут бандитов, население хуторов сплошь бандитское...»*. Непокойно было и в Беловодском районе – там развернули борьбу отряды Шевелёва, Черехаи и Демьяна Павловича.

На территории Митякинской станицы с 1920 года по 1924 год, действовал казачий отряд Чугреева, состоящий из казаков станицы Митякинской и окрестных хуторов, недовольных советской властью. Взяв в руки оружие, они открыто выступили против большевиков. Однако вскоре отряд превратился в банду отчаявшихся людей. Возглавил отряд есаул Чугреев после дерзкой операции проведенной 15 летним чекистом Иваном Погореловым, закончившейся арестом командира повстанческого отряда полковника Фёдорова. После чего обезглавленный и деморализованный отряд спешно перебазировался из Митякинских лесов в балку Моховатку у хутора Атаманского.

По данным нашего земляка, писателя Можая, есаул происходил из хутора Погореловского. Хутор этот расположен был в юрту станицы Каменской. (Между Машзаводом и г. Каменском.) Однако жители х. Нижнемитякин, утверждают, что есаул был нашим земляком из х. Нижне-Митякинского. По словам Талалаева Н. Г., его дом был вблизи дома агронома АО «Надежда» Башмакова. Об этом же говорили в 80 х годах старики станицы Митякинской. Хотя возможно, Погорелов, это не хутор, а название кутка хутора Нижне-Митякинского.

В годы первой Мировой войны, есаул проявил не дюжинную храбрость, был награждён орденом Св. Георгия 4 класса. Он виртуозно владел шашкой, о чём говорит такой случай. После одного из боёв, Чугреев, получивший ранение, пошёл для перевязки в госпиталь, но был окружён немцами, хотевшими взять казачьего офицера живьём. Однако в короткой схватке, он зарубил 17 немцев, до того, как к нему на помощь подоспели казаки его сотни. Правда, документальных подтверждений этому пока не найдено.

После Октябрьской революции, есаул Чугреев оказался в жёстком противостоянии с большевиками. После захвата Красной армией территорию Дона, он организовал из казаков Митякинского юрта, хорошо вооружённый повстанческий отряд, то и дело нападавший на большевистских активистов, милиционеров и чоновцев.

В отряде Чугреева, в разное время, было до 100 хорошо вооружённых казаков близлежащих хуторов. Так из хутора Можая в него входили Можая Иван Григорьевич (Орёл) и Черенков Владимир Устинович. Из Х. Нижне-Митякинского – братья Быкадоровы, Попов, Башмаков. Из хутора Прогной – казак Шилов. Все они были на лошадях, вооружены пулемётами, винтовками и шашками. Вначале, после того, как казаки ушли из Митякинских лесов, их база находилась в балке Моховатка, заросшей дубняком. Она расположена между бывшей птицефабрикой «Зарёй» и посёлком Тарасовским, у хутора Атаманского. Отсюда повстанцы совершали налёты, громя органы советской власти в райцентре п. Тарасовском и окружающих хуторах.

Самым отчаянным среди чугреевцев был казак Башмаков, уроженец х. Нижне-Митякинского. Он ни когда не расставался с ручным пулемётом «люис», наводя ужас не только на советских работников и милиционеров, но и на своих хуторян. Однажды, возвращаясь ещё

с двумя казаками, после побывки из дома в балку Моховатку, в Гнилой балке он столкнулся со своим хуторским приятелем Платоном Швечиковым, косившим спозаранку сено. Башмакову не понравилось как Платон с ним поздоровался, и недолго думая, высек того до крови нагайкой. Впоследствии, в семидесятых годах, дед Платон Матвеевич сокрушался, говоря, как он мог, ведь они с Башмаком были друзьями.

Казаки хутора Нижне-Митякинского

Столь близкое расположение отряда Чугреева к райцентру, делало его весьма уязвимым. В один прекрасный день из Миллерово прибыл отряд ЧОН, совершивший вместе с местными милиционерами рейд к балке Моховатке. Не смотря на то, что повстанцы были захвачены практически врасплох, чоновцам не удалось разгромить казаков. Положение спас Башмаков, открывший пулемётный огонь по красноармейцам. Победа последним досталась дорого. Несколько погибших чоновцев были похоронены в хуторе Атаманском, где им впоследствии был установлен памятник.

Есаулу Чугрееву удалось увести основные силы отряда к станице Митякинской, потеряв при этом нескольких казаков, в том числе и Башмакова, до последнего прикрывавшего отход. Отряд перебазировался в балку «Крутая», которая находилась вблизи хутора Прогнои. Казаки отряда очень часто посещал станицу, среди жителей которой было много сочувствующих им, помогавших продовольствием и сообщавших об опасности.

В результате нескольких кровавых вылазок против новой власти, казаки убили многих советских работников и расстреляли четырёх милиционеров в окрестностях станицы. Правда, в саму станицу казаки предпочитали не соваться. Так как в ней располагался отряд милиционеров в 40 человек при нескольких пулемётах. Плюс к этому вооружённый партийно-комсомольский актив и отряд самообороны. Впрочем, это не помешало казакам, в один прекрасный день устроить засаду в самом центре Митякинской, у школы, в которую, попал отряд ЧОН. В ходе ожесточённой перестрелки, несколько чоновцев и комсомольцев из местных жителей было убито. Но эта вылазка дорого обошлась и чугреевцам, поспешно отступившим. Это не прибавило любви большинства станичников к ним, открыто называвших их бандитами.

Чугреевцы преследовали продработников, не допускали, чтобы они собирали с жителей налоги. Кроме того, под их горячую руку попал первый секретарь комсомола Сутормин и весь актив комсомольцев станицы Митякинской. Все убитые комсомольцы были похоронены у Митякинской школы.

Не повезло и старшему брату первого секретаря комсомола, комбригу Сутормину, воевавшему с белыми в 1 Конной армии. Сутормин, как и Чугреев, прошёл всю 1 Мировую войну, и так же как Чугреев трусом не был. Но в отличие от есаула, он перешёл на сторону красных, где проявил себя с лучшей стороны, очень скоро став комбригом 1 бригады 1 Московской

рабочей дивизии. Впрочем, в самой станице Митякинской и её хуторах бытовало мнение, что красный комбриг Сутормин воевал в 1 Конной армии Будённого.

«Старые люди вспоминали: до германской Сутормин мало что значил – гонористый да задиристый... А как сдружковался с Будённым да Ворошиловым – попёр в гору! Ворошилов тогда что!.. Первый красный офицер! А Сутормин у него комбригом был, и звали его у нас все Красным Генералом. Во как судьба повернула! С грязи да в князи. Подвыпьет и ну подвиги вытворять. Подвигов за ним было не счесть». **Так пишет о Сутормине в своей книге «Деркул – быстрая река» А. Н. Можаяев, опираясь на воспоминания стариков.**

Не был комбриг в родном хуторе с 1914 года. Всё не досуг казаку было. То с германцем война, то непрерывные бои с белыми. Так и провоевал до 21 года, пока железнодорожные составы, на которых перебрасывали его бригаду, не попали в затор у города Миллерово. Железнодорожники обещали только через три дня открыть движение. Вот и решил комбриг, не свою беду, побывать в родном хуторе. 60 вёрст для казака не расстояние.

Здесь нужно отметить о двух версиях гибели комбрига Сутормина. Одна литературная, написанная нашим земляком Александром Николаевичем Можаяевым. Она гласит, что Сутормин, взяв с собой тачанку с пулемётом, двух пулемётчиков китайцев и двух латышей, он отправился со своим интернационалом к себе домой. Появление в хуторе Прогнои красного генерала вызвало переполох и не осталось незамеченным для верных людей Чугреева. Пока шла весёлая гулянка в доме Сутормина, они сообщили об этом есаулу Чугрееву, который вскоре ворвался со всем своим отрядом. Но захватить комбрига внезапным наскоком ему не удалось.

Услышав выстрелы и шум, Сутормин, прыгнув в тачанку со своими людьми, попытался уйти, отстреливаясь из пулемёта. Но у хутора Куркин, он был, настигнут, и окружён казаками. Вот как описывает эту встречу наш земляк, писатель Можаяев:

«Братцы, говорит, мы ж в одной церкви крестились, зачем нам губить друг друга... Я ж для вас светлую жизнь готовил. Усмехается Чугреев, чудно ему слышать такое. А у него, у Чугреева такая манера была: он как прихватит какого комиссара – сразу не стрелял. Шашку даёт – бейся. Одолеешь – воля. И давай его обучать. Это, мол тебе не расстрелы в подвалах подписывать. Схватятся. Чугреев по началу кончик носа отсечёт. Бьются. Одно ухо отлетит, второе, потом ещё чего ни будь отхватит... Бывало ждался, да так, потехи ради и отпустит. А другой раз нет, видит достойный человек – дорубает. Сутормина дорубил».

Узнав о гибели комбрига Сутормина у хутора Куркин, из Миллерово был выслан бронепоезд и карательный отряд. Пять дней горели казачьи хутора. Сколько тогда ни в чём не повинных людей погибло, неизвестно.

Такова первая, литературная версия гибели комбрига. Согласно другой версии, подтверждённой публикациями в районной газете, Пётр Сутормин приехал на несколько дней к отцу, бывшему в ту пору председателем продовольственного комитета Прогнойского ревкома. Старый казак был вынужден то и дело гоняться за белогвардейскими отрядами и отражать их нападения. Впрочем, противники новой власти платили той же монетой, охотясь за её представителями. Дважды казаки полковника Фёдорова устраивали нападения на дом старика Сутормина, в надежде застать там его сына, первого полевого инспектора пехоты и кавалерии Северо-Кавказского военного округа. Но без успешно. Но в тот, Петров день, белоказакам повезло. Пётр Сутормин только что вернулся из хутора Чеботовка, что бы забрать жену и возвращаться к месту службы, как с улицы донеслись крики. Прогромыхла тачанка и слух резануло:

– Бандиты!

Видно преследователи шли по следу или его присутствие выдал не рассёдланный конь, оставленный на привязи у крыльца. Пётр выхватил наган – и во двор. Но тут его уже поджидали. Затрещали винтовочные и револьверные выстрелы. Минута, вторая, и тишина... Истерзанное тело сына отец нашёл в конце сада, неподалеку от того места, где мальчишкой он любил

смотреть на плывущие по небу облака. Так оборвалась короткая, но яркая жизнь Петра Сутормина, красного командира.

Впоследствии, разъезд на железной дороге был назван именем комбрига Сутормина, как и колхоз в хуторе Прогнойском, образованный в 1929 году. Самого Красного Генерала, по приказу Ворошилова, перезахоронили на центральном кладбище Ворошиловграда. При Хрущёве этот город был вновь переименован в Луганск. При Брежневе – чехарда продолжилась и город снова получил имя Ворошилова. После развала СССР, многострадальному городу вернули историческое название. Центральное кладбище, на котором был похоронен комбриг Сутормин, снесли бульдозерами, не удосужившись перенести захоронения погибших большевиков. На его месте разбили сквер имени «Молодой гвардии»...

Красные казаки

Впрочем, в нашей истории не всё так просто. По воспоминаниям стариков хутора Нижне-Митякинского, есаул Чугреев не был столь непримирим, по крайней мере, со своими хуторянами. До 1 Мировой войны, Чугреев Пётр Тиханович был закадычным другом Пантелеева Алексея. Оба воевали в одной сотне, и оба были не робкого десятка. Но Гражданская война развела друзей по разные стороны баррикад, и оказался Алексей Пантелеев у красных. После Гражданской войны он назначен в ЧК Тарасовского района и должен был бороться с отрядом «бандита» Чугреева.

Вот и решили два бывших полчанина, в один прекрасный день, поговорить по душам. Съехались. Неужели, сказал Пантелеев, мы будем друг за дружкой, как за волками охотится? Подумал есаул, и предложил, давай поделим хутора, ты на мою территорию не лезь, а я на твою не сунусь. Правда это или вымысел, сейчас сказать трудно. Но так, по крайней мере, говорили старики.

Отряд есаула Чугреева контролировал территорию, расположенную по берегам реки Деркул и хутора Камышный.

Впрочем, как мы уже говорили, далеко не все казаки поддерживали повстанцев Чугреева, многим надоела всё продолжавшаяся братоубийственная война, в которой они винули чугреевцев и самого есаула. И в станице, и по хуторам были сформированы из красных казаков и иногородних, дружины самообороны. В х. Верхне-Митякинском, такую дружину возглавлял георгиевский кавалер казак Фёдор Ковалёв.

Развязка наступила осенью 1924 года. В очередное свое посещение Митякинской станицы, Чугреев получил сведения, что в станице находится конный отряд красных из города Каменска. Вот есаул и решил уничтожить этот отряд и распорядился укрыться в «буграх» за станицей и ждать своего часа. Так как атаковать станицу было равносильно самоубийству. Решили перебить красных на выходе из Митякинской.

Однако, по всей видимости, это посещение станицы белоказаками, не осталось незамеченным. И в окрестные хутора были отправлены гонцы с приказом срочного сбора всех дружин самообороны. Под покровом ночи красные казаки и красноармейцы окружили «бугры» и в предразсветный час тихо подошли к стану чугреевцев.

Тем временем, маясь от безделья, казаки Чугреева принялись пить самогон. Дисциплина к тому времени в отряде уже хромала на обе ноги, и пьянство стало обыденностью, что и погубило казаков. Когда всё было выпито, есаул отправил за новой порцией самогона самого молодого казака Шилова, что впоследствии и спасло ему жизнь. Не выставив караулы, чугреевцы заснули и стали лёгкой добычей красноармейцев и хуторских дружинников, устроивших резню спящих. Сам Чугреев был зарублен шашкой, на телеге, где он спал. По воспоминаниям жителей х. Н. Митякинского, Петра Чугреева зарубил один из командиров дружины самообороны хутора В. Митякинского Фёдор Ковалёв. Вместе с мятежным атаманом изрубили и 67 его сподвижников.

После ликвидации этого отряда, для расследования и наведения порядка, в станицу прибыла группа милиционеров из города Каменска. На ночлег, они разместились в станичной церкви. Утром, когда оттуда ни кто не вышел, местные милиционеры открыли дверь, увидели что там все следователи мертвые. Ночью казаки умудрились незаметно проникнуть в церковь и вырезать всех милиционеров. Как при выставленных часовых, оставшиеся в живых сподвижники Чугреева смогли проникнуть в церковь, до сих пор остаётся загадкой. Впрочем, вполне возможно, это ещё одна местная легенда.

Командир отряда самообороны Ковалёв Фёдор Васильевич, сидит справа.

Казак Пётр Сутормин – красный комбриг.

На железнодорожной ветке Миллерово – Луганск, недалеко от украинской границы есть небольшой, затерянный в степи разъезд. Аккуратно выкрашенный и подбеленный на хуторской манер, небольшой вагончик вместо станционного здания. Улочка из десятка домов, утопающая

в зелени садов и защитных посадок американского клёна и тополя, по которым бегают суетливые белки. Вот, пожалуй, и всё несложное хозяйство этого, десятками лет обжитого уголка донецкой степи. В пятидесятых, шестидесятых годах этот разъезд жил бурной жизнью.

В двух километрах, у хутора Нижний Митякин располагался карьер по добыче песка, который грузили на разъезде и отправляли в Луганск на заводы. Впоследствии, был найден более качественный песок, и карьер закрылся, однако жизнь на разъезде не захирела. Близь лежавшие колхозы богатели, и их жители всё чаще ездили в Луганск и Миллерово за покупками. А их дети с этого разъезда уезжали на учёбу и возвращались в гости к родителям. И в семидесятых годах прошлого века на разъезде было построено навое просторное станционное здание, в котором располагался не только зал ожидания, но магазин, в котором отоваривались местные жители и пассажиры.

Здесь нет ни улиц, привычных городским жителям, ни номерных знаков на домах. И лишь поутру, когда раннее солнце очертит на земле косые тени островерхих тополей и раскидистых американских клёнов, что встали шеренгой вдоль железнодорожных путей, привычную тишину вдруг нарушит людской гомон. Это съезжаются к «Мухе» колхозники из хуторов Нижний, Средний Митякин, Донецкого и других хуторов, раскинувшихся окрест по балкам и лощинам.

И только мелькнёт за поворотом последний вагон, затихнет перестук колёс уходящего поезда, как вновь на долгие часы вернётся сюда тишина, нарушаемая дробными «очередями» дятлов. Тишина эта, точно вечный хранитель памяти о человеке, имя которого носит этот степной разъезд. Имя донского казака Петра Петровича Сутормина – героя Первой мировой и Гражданской войны.

В большой семье казака хутора Прогнойского Петра Ефимовича Сутормина было два сына с одинаковым по воле случая именем – Пётр. Их так и называли: Пётр старший и Пётр младший. Старшего, иногда величали Прокофием, что бы было какое либо отличие. Под именем многие его и знали. Одной дорогой пошли братья по жизни, и ждала их одна судьба. Одну и ту же приняли смерть.

Пётр старший был третьим ребёнком в семье. Учиться ему в местной школе пришлось не долго. Хозяйство, какое ни есть, а требовало рабочих рук. Потом подошёл срок отправляться на действительную службу в армию. Казаку полагалось иметь свою лошадь, шашку, амуницию, обмундирование и снаряжение, то есть, как говорили казаки – справу. А где на все это возьмёшь денег, когда в семье к тому времени было уже девять детей? И записали казака Сутормина в нестроевые – писарем во 2 Донскую казачью батарею.

С началом Первой мировой войны казак Сутормин недолго пробыл в нестроевых, став одним из лучших артиллеристов в своей батарее. К 1916 году он уже был георгиевским кавалером 3 и 4 степени. Много вёрст выходил Пётр по кровавым и дымным полям Мировой войны, много потерял своих боевых товарищей казаков. Она бросала его из окопов в окопы. Здесь впервые он услышал большевистский лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». И хоть не совсем он был понятен донскому казаку, но сердце его чувствовало: грядут в России перемены. Нужно было принимать это новое и неведомое, идти навстречу ему или...

Однажды, получив отпуск, и вернувшись в родной хутор, Пётр поделился с отцом: – Гляжу я, батя, шатается трон царя. Должно, недолго ему править Расеей. Присмотрелся я к мужикам да рабочим, что из городов. На всех одна солдатская шинель. Одних вшей в окопах кормим. Что я казак, что они. Стал быть, вместе и держаться надо. Гутарют, что вместе без царя лучше жить можно.

– Только ты про то – ни кому!

Казак Сутормин сделал свой выбор, и не нам его судить. И вот грянул Октябрь. Вернулся Пётр Сутормин в свой родной хутор, осмотрелся, потолковал с такими же, как он фронтовиками, да и открыто в бой. На первом же хуторском сходе отец и сыновья голосовали против

атамана, за ревком. Как и в других местах, по решению Донского окружного комитета большевиков и окрисполкома станицы Каменской, был создан штаб обороны во главе с Е. А. Щаденко. В состав штаба вошли большевики Романовский, Пареев, Блицын, Тетеревятников и Суторин. К этому времени в Донецком округе уже было хорошо имя Петра Сутормина.

А несколько погодя, Пётр разослал уже гонцов по хуторам Митякинского юрта, на общий сбор. Собрались казаки фронтовики на хуторе Чеботовке. Здесь они и постановили создать дружину в три тысячи шашек для охраны Советской власти. Командиром дружины избрали А. А. Тананакина. Петра Сутормина – председателем совета дружины.

Вскоре в Ростове узнали о деятельном большевике из Митякинского юрта и вызвали в Ростовский ревком. Его оставили при Чрезвычайном штабе Совета Народных Комиссаров для организации защиты молодой Донской республики. Он был назначен адъютантом командующего революционными войсками Донской республики, организовывал оборону города от наступавших кайзеровских войск.

Однако не продуманная политика большевиков в отношении казаков, оттолкнула многих донцов от новой власти. Даже тех, кто в начале поддерживал её. В станицах и хуторах начались антибольшевистские восстания. Пока Пётр Суторин дрался с немцами у стен Ростова, в его родном хуторе ревком был разогнан. Отец Сутормина был арестован и посажен в Каменскую тюрьму в качестве заложника за сына. Прогнойский офицер Севостьянов, возглавивший белоказачий отряд, не простил Петру Ефимовичу Суторину его выступления на хуторском сборе за Советскую власть и против атаманской власти.

Но не угрозы со стороны противника, ни трудности боевых походов и горьких поражений, не смогли сломить волю прогнойского казака. С августа 1918 года он на Царицынском фронте, где зарекомендовал себя как храбрый командир. 15 февраля 1919 года Суторин прикомандирован к оперативному отделу 10 армии. С 21 марта 1919 года – помощник начальника штаба 1 бригады 1-й Московской рабочей дивизии. 20 мая, Суторину были вручены именные золотые часы. На них было выгравировано: «Честному воину революции от ВЦИК». 24 июня он назначен помощником начальника штаба дивизии. С августа того же года, Суторин комбриг стрелковой дивизии.

О мужестве и находчивости комбрига Сутормина рассказывали необыкновенные вещи. Однажды на Царицынском фронте, он, благодаря ошибке шофёра, попал в распоряжение вражеского полка. Спасаться бегством было уже поздно, да и не в его это были правила. Он экстремно принимает решение: через вестового вызывает командира белогвардейского полка, и отдаёт ему приказ начать наступление на позиции красных. Так как комбриг был в кожаном пальто без погон, командир полка принял Сутормина за вновь назначенного командира дивизии. Не подготовленное наступление закончилось разгромом белых. И через несколько часов они снова встретились, но уже в штабе красных войск, куда привели пленных. Полковник имел уже далеко не бравый вид, после попадания в ловушку.

Со своей бригадой прошёл Пётр Суторин с боями по придонским степям, громил врангелевцев в Таврии у Перекопа. И везде его сердце не знало страха.

Он любил жизнь, и жизнь любила его. Любил ещё мальчишкой воскресным утром, продравшись сквозь заросли колючей дерезы, что густо сплелась сразу за хуторскими садами, прилечь на спину под ивой, раскинуть широко руки, и долго-долго смотреть на плывущие облака. Они уносили мечтательного юношу в далёкие края и заморские страны. Они волновали и заставляли мечтать. Нет, тогда ему ещё не виделся кровавый оскал братоубийственной войны, повешенные и порубанные тела в донских станицах и хуторах. Всё то, через что ему пришлось пройти позже, защищая юношескую мечту о справедливости и революцию. Прав был или нет, судить не нам, он был героем своего времени, со своими ошибками и заблуждениями.

И сюда, в этот тихий уголок левады, скрытый от постороннего взгляда, он не раз возвращался из дальних походов, что бы снова встретиться со своей юностью. Здесь и подстерегала

его мстительная пуля его земляков, не принявших советскую власть. Случилось это в июне 1921 года, на Петров день по церковному календарю.

Только закончилась обедня в местной церкви. Разморенные летней духотой казаки и казачки нехотя расходились по своим куреням. То здесь, то там, в тени караичев и тополей, собирались казаки в группы, обсуждая слухи, были и небылицы. А они, эти слухи, одни тревожнее других, залетали в казачий хутор, будто притаившийся, выжидающий в своей балке. Они волновали и будоражили местное население. Куда повернёт эта новая власть? Станичный или хуторской атаман – понятно. А тут Советы! С чем их едят и что с ними делать, ни кто не знает. К добру ли отпрыск Сутормина пожаловал?

А тем временем Пётр, заглянувший на несколько дней к отцу, бывшему в ту пору председателем продовольственного комитета Прогнойского ревкома, был вынужден гоняться за белогвардейскими отрядами. Впрочем, противники новой власти платили той же монетой, охотясь за её представителями. Дважды казаки полковника Фёдорова устраивали нападения на дом старика Сутормина, в надежде застать там его сына, первого полевого инспектора пехоты и кавалерии Северо-Кавказского военного округа. Но без успешно.

Но в тот, Петров день, белоказакам повезло. Пётр Сутормин только что вернулся из хутора Чеботовка, что бы забрать жену и возвращаться к месту службы, как с улицы донеслись крики. Прогромыхала тачанка и слух резануло:

– Бандиты!

Видно преследователи шли по следу или выдал не рассёдланный конь, оставленный на привязи у крыльца? Разбили Деникина и Врангеля, а белое охвостье ещё свободно гуляет по Дону. Как затравленные бирюки, выползут из митякинских лесов и камышей, и бьют исподтишка. Пётр выхватил наган – и во двор. Но тут его уже поджидали. Затрещали винтовочные и револьверные выстрелы. Минута, вторая, и тишина... Истерзанное тело сына отец нашёл в конце сада, неподалеку от того места, где мальчишкой он любил смотреть на плывущие по небу облака. Так оборвалась короткая, но яркая жизнь Петра Сутормина, красного командира.

Его место в строю занял младший брат Петра Сутормина – так же Пётр. Вместе с товарищами, первыми комсомольцами Иваном Погореловым, Иваном Никишиным и Николаем Власенко, он стал организатором комсомольского движения в хуторах станицы Митякинской. Вместе с частями особого назначения – ЧОН, гонялся за бело казачьими отрядами. И так же, как старший брат, он погиб в одном из боев, защищая революцию. Случилось это весной 1922 года.

Время шло. И когда хуторяне в Прогное объединились в колхоз, они называли его именем Петра Сутормина, бесстрашного солдата революции. У входа в правление колхоза хуторяне повесили большой портрет Сутормина. Его же именем был назван и разъезд, куда в последний раз привёл Сутормин бронепоезд, для борьбы с белогвардейскими отрядами. Однако вскоре колхоз был переименован. Товарищи по партии, за которую отдал жизнь казак Пётр Сутормин, забыли красного героя, назвав укрупнённый колхоз «Ленинский путь».

Сегодня в тех местах иная жизнь. Отнюдь не та, за которую храбро воевал прогнойский казак Сутормин. Хутор Прогной, как и другие хутора Тарасовского района, приходит в запустение и обезлюдивает. Молодёжь уезжает города, оставляя на произвол судьбы свою малую родину. Заброшена и железнодорожная ветка Миллерово – Луганск. По ней уже давно не ходят поезда. В начале 90 годов прошлого века по ней ещё ходил пригородный поезд, который хуторяне называли «Мухой». Но из-за убыточности его отменили. Железнодорожные пути заросли деревьями и кустарниками, станция и строения переезда давно заброшены и разрушены. Ещё немного и в Тарасовском районе забудут навсегда о Петре Сутормине. Но забыв его, мы откажемся от части своей истории, какой бы она не была.

Батька Махно на Дону

При написании этого очерка использовался материал из книги **«Донбасс: Русь и Украина». Очерки истории Бунтовского Сергея Юрьевича.**

Первые упоминания о том, что нашу территорию посещал со своей армией Н. И. Махно, появились в документах 2-й Донской дивизии и датируются они февраля 1921 года, когда армия Махно появилась в районе современной границы Луганской области. Махно шёл на Дон, надеясь найти поддержку у казаков, преследуемый красными частями. Однако казаки прекрасно помнили, как махновцы воевали на стороне красных и не простили им пролитой казачьей крови.

По рассказу очевидицы один из таких махновских отрядов к рождественским святкам заехал на постой в слободе Курнолиповка Митякинского юрта. Махновцы рассчитывали, что казаки поддержат их в борьбе с большевиками и потому не приняли обычных мер предосторожности, заночевав, не выставив постов.

Батько Махно сидит с маузером.

Узнав об этом, к хутору выдвинулся отряд подьесаула Попова, начавшего борьбу с большевиками ещё в 1918 году. Тогда, чтобы вооружить своих казаков, сотник Попов разоружил охрану трёх рудников, лежащих в юрте Гундоровской станицы. В его руках оказалось 140 винтовок и 3000 патронов. Данное оружие было роздано казакам своего отряда. Так отряд начал вести борьбу против советов власти.

Вскоре, восставшие казаки Попова утром 16 апреля 1918 года подошли к станице Гундоровской и сходу её захватывали. Только при помощи артиллерии бронепоезда, который подошёл из Каменска, красные, 19 апреля сумели отбить Гундоровскую станицу.

Теперь, отряд уже есаула Попова, скрытно подошёл к Курнолиповке и обрушился на спящих махновцев. Началась жестокая и беспощадная резня. К утру всё было кончено. По всему хутору собирались на лошадиные сани, изрубленные останки махновцев. Ими награбленное добро безвозмездно раздавалось в самом центре слободы, чубатыми дядьками с красными лампасами. В безропотном исполнении негромких приказов от высокого всадника, с блеском офицерских погон на куцей венгерке обтягивающей его широкие плечи. Как оказалось, это был подьесаул Попов с хутора Атаманск.

Уже в июле 1921 года отряд Нестора Махно снова появился на Дону в районе станицы Митякинской и станицы Гундоровской (ныне – город Донецк Ростовской области). Гуляйпольский батька, не смотря на неудачный прошлогодний рейд по Верхнему Дону и на зимний разгром одного из своих отрядов у Курнолиповки белоказаками, не потерял надежды привлечь на свою сторону казаков, и украинцев живших в слободах Митякинского юрта, но жестоко ошибся в своих ожиданиях. Казаки не желали вставать под махновские знамёна. Как и в прошлом году, когда с Махно ушло всего 4 человека с «грязным прошлым» и 3 казака скрывавшихся от преследования советскими властями, казаки отказались его поддержать.

В штабе СКВО была принята телеграмма: «Банда Махно, преследуемая войсками Украины, перешла 14 июля около полудня через ст. Кутейниково на линии Иловская – Таганрог и двинулась на Б. Мешковская. Отходит в восточном направлении. Преследующим отрядам приказано гнать махновцев до полного их уничтожения. По последним сведениям численность банды не более 150 сабель при незначительном количестве пулеметов. Банда деморализована и крайне утомлена 30 непрерывными боями». Судя по всему, это был не весь отряд Махно, а лишь его часть.

В штабе СКВО было принято решение перебросить в район Гундоровская-Каменская из Усть-Бело-Калитвенской кавалерийский полк 2 Донской дивизии, который выдвинулся в хутор Дичинский в 19 часов 30 минут 18 июля. Ввиду того, что банда Махно 15 июля была замечена у Голодеевки, и двигалась она на восток, начдивом было решено перебросить бронепоезд №43 на участок Каменская-Зверево. А бронелетучку №1 на участок Ровеньки – Замчалово для предотвращения перехода махновцами через железную дорогу. Но это, судя по всему, в планы Махно не входило.

Его основные силы 18 июля приблизились к Донской области. Известии об этом было получено штабом СКВО, от начальника ст. Сулин. По его информации, Махно силою 700 сабель при двух пулеметах на 100 тачанках находится в районе Павловка-Нагольная-Криничная. По сообщениям из Украины, остатки армии Нестора Махно, уходя от преследования частями Красной армии, разделившись на несколько отрядов в районе Голодаевка, бежала в направлении на Успенскую и затем на северо-восток. Около 21 часа 16 июля махновцы столкнулись с частями 17-й бригады Красной Армии, завязался бой. Но наступившая темнота заставила противников прекратить огонь и отряды Махно продолжили движение на Дон.

В этот день сообщения аналогичного содержания были получены из Зверево и начальника боевого участка из Александровск-Грушевского. При чем, в этих сведениях упоминается о том, что махновцы имеют 20 пулеметов и 1 бронеавтомобиль, и направляются они на восток, к станице Митякинской.

Эти сведения вызвали большую обеспокоенность в Ростове и Новочеркасске. Так как большевики опасались, что казаки поддержат Нестора Махно и на Дону вспыхнет новое восстание..

Для борьбы с махновцами было решено мобилизовать Коммунистический территориальный батальон. Мобилизация должна закончиться в 22-х часовой срок по получению приказа. 18 июля в 16 часов Дноблвоенком отдал приказ Новочеркасскому кавалерийскому дивизиону выступить из ст. Мелиховская на Александровск-Грушевский (город Шахты) и выставить там заслон, на случай движения махновцев на Ростов.

Ещё один из отрядов Махно (200—250 сабель, при 5 тачанках, 3 пулемета) 18 июля не выдержав боя у балки Дуванной с Украинскими частями Красной Армии, бежала, и переправилась вплавь через Северский Донец у Б. Суходола и около 22 часов заняла хутор Уляшкин, где пробыла 19 часов.

Ввиду возможности выдвижения махновцев из Ровеньского района Украины на восток и на север, начдив 2 Донской дивизии решил перебросить из станицы Мальчевской 13-й пехотный полк в район Грачинских хуторов станицы Митякинской. 10 пехотному полку было приказано выдвинуться из Морозовской к станице Екатерининской. В соответствии с этим был отдан приказ по дивизии этим полкам сосредоточиться в указанных выше пунктах.

Батька Махно изучает донесения

Судя по всему, отрядам Махно удалось перерезать телеграфные провода и 19 июля новых сведений о их передвижениях не поступало. В связи с этим, было решено перебросить кавалерийский полк к хутору Верхнее-Дуванному, с целью нащупать противника и по его обнаружении, атаковать.

Однако в виду усталости конского состава, кавалерийский полк задержался с выполнением этой задачи. Связанно это было с тем, что командирам и бойцам полка было запрещено забирать свежих лошадей в казачьих станицах и хуторах, а конный состав полка находился в плачевном, после долгого перехода.

Тем временем, ещё один из отрядов Махно в 15 часов 19 июля форсировал вплавь реку Северский Донец и вошёл в хутор Уляшкин. По сообщениям очевидцев, численность этого отряда была не более 300 сабель и 12 тачанок. Однако, узнав о подходе к хутору частей Красной Армии, махновцы выдвинулись к хутору Нижне Грачинскому, уклоняясь от столкновения.

Ввиду полученных новых сведений кавалерийскому полку было, приказано свернув с маршрута, переправиться у хутора Красный через Северский Донец и занять хутор В. Клиновы, ведя разведку по направлению хуторов Уляшкин – Грачинский – Свиногреев.

13 пехотный полк получил приказ ускорить марш и занять хутора Верхне и Нижне Грачинский, Караичев, Верхне Клиновий. Где он должен был развернуться, и прижав махновцев к Донцу, уничтожить их. Для усиления частей противостоящих махновцам, штаб СКВО приказал командиру бронепоезда выдвинуться на линию Глубокая – Каменск. Однако 13 пехотный полк не мог соревноваться в скорости с кавалерией Махно и не успевал выполнить приказ.

От учебного кавалерийского взвода расположенного в Каменске, в 20 часов вечера был отправлен разъезд к хутору Уляшкин, с задачей привезти точные сведения о местонахождении главных сил махновцев и узнать их намерения.

Махновцы, заметив движение красных частей или получив эти сведения от своих агентов, продолжили движение быстрым аллюром на хутор Верхне-Грачинский, с намерением двигаться на север и далее в район ст. Вёшенской. Ввиду этого, части дивизии были повернуты на север. 13 пехотный полк, выдвинувшийся из станицы Мальчевской, ввиду того, что он не успевал подойти вовремя к х. Нижне Грачинскому, получил приказ двигаться наперерез махновцам через хутора Чеботовский и Красновский, во время движения вести разведку и при обнаружении махновцев. не ожидая приказа атаковать их. Но как говорится, хорошо всё на бумаге, да забыли про овраги. Так как пехотный полк не мог эффективно действовать против манёвренной кавалерии.

Командир кавалерийского полка 2 Донской дивизии получил приказ отправить один из эскадронов для преследования отрядов Махно, с задачей сесть на хвост бандитов, не давая им ни минуты покоя. С основными же силами полка идти параллельно их движению, не давая им углубиться на казачью территорию. Что было трудновыполнимо в виду усталости конского состава.

В связи с тем, что 10 пехотный полк, вышедший из Морозовской, не успевал выдвинуться к месту проведения операции, и командиру 5 пехотной бригады 2 Донской дивизии, было приказано перебросить 14-й пехотный полк из Стрельцовки в Мальчевскую. Туда же, на двух автомобилях с пулемётом, выехал и штаб дивизии для непосредственного руководства операцией. Тем временем, заняв хутор Верхне Грачинский, Нестор Махно приказал своим бойцам поменять своих вымотанных многодневным переходом коней, на коней хуторян, что вызвало неудовольствие казаков. Попытка мобилизовать казаков, для пополнения своего отряда, так же провалилась.

В хуторе отряд Махно находился до рассвета 20 июля. С рассветом он под давлением кавалерийского полка, устремился в хутор Чеботовский, где махновцы продолжили спешно менять лошадей, изрубив при этом 4-х милиционеров, 3-х продработников и одного коммуниста. Настигаемые кавалерийским полком 2 Донской дивизии, полком, отряд Махно разделился на две группы, пытаясь сбить преследователей с толку. Одна устремилась на хутор Прогнойский, другая на станцию Красновка.

Согласно воспоминаний жителей хутора Нижнемитякинского, Нестор Махно с основными силами двинулся к станции Красновка по долине речки Митякинки, через хутора Нижне, Средне и Верхне Митякинские. Как и в Нижне Грачинском, и Чеботовском хуторах, махновцы продолжили реквизировать продовольствие и менять своих уставших лошадей, на лошадей хуторян, как в самом хуторе, так и в близлежащих полях. Это вызвало крайнее неудовольствие жителей. Казачка Чеботкова Варвара Михайловна, защищая своё добро, замахнулась кнутом на подъехавшего в это время на тачанке Нестора Махно. Тот, взбешённый, вырвав из рук женщины кнут, избил им её в кровь. Сам гуляйпольский батько, на казаков впечатления не произвёл. В их воспоминаниях, это «маленький рябоватенький и неказистой мужичонка».

В хуторе Верхне Митякинском, Махно узнав, что к станции Красновка подошёл отряд красноармейцев, повернул со своим отрядом в сторону Украины. Второй его отряд, выйдя из хутора Прогной, так же повернул назад, не доходя до станции Красновка, так же повернул назад, получив сведения о сосредоточении у неё частей Красной Армии.

В Прогнойском махновцы продолжили обмен лошадями и реквизицию продовольствия и фуража, что вызвало многочисленные стычки с местным населением. Из хутора Махно двинул свои отряды на хутор Ушаков и далее на Юганов, преследуемый передовым эскадронным кавалерийского полка. Однако вскоре преследование было прекращено, в виду усталости коней. Это дало возможность так же передохнуть и махновцам.

Нестор Махно, выслав разведку на ст. Красновка и получив от нее необходимые сведения о расположении частей Красной армии, и опасаясь полного окружения, вышел со своей конницей из хутора Прогнойского в 16 часов 21 июля, двигаясь на хутор Ушаков.

22 июля арьергард махновцев был, достигнут авангардом кавалерийского полка у хутора Юганов. Но махновцы, уклоняясь у боя, рысью скрылись на хуторе Машлыкиным, где располагались основные силы гуляйпольского атамана.

Махно не решился дать бой красным кавалеристам и приказал своим отрядам отступить на Титовку. Переправилась через реку Камышная в двух верстах севернее хутора Н. Камышенский. Этот крутой поворот банды от Титовки почти на восток, можно объяснить следующими соображениями: махновцы или заметили движение 3-го эскадрона кавалерийского полка 2 Донской дивизии, который двигался почти параллельно им по правому берегу реки Деркул в направлении на Титовку, или же, что, скорее всего вероятнее, они получили сведения о том, что Городище уже занято 14-м пехотным полком большевиков.

Заметив этот манёвр, кавалерийский полк в составе двух эскадронов свернул от Титовки на восток для преследования махновцев. Впереди полка ехал сам начдив на легковом автомобиле. Догнав гуляйпольцев у балки, начдив лично открыл пулеметный огонь, не выдержав который, они скрылись в балке.

После подхода головного эскадрона кавалерийского полка, начдив приказал ему атаковать махновцев. Желая прекратить настойчивое преследование красными своего отряда, Махно решил дать им бой, который состоялся 22 июля у хутора Машлыкина (это район современной российско-украинской границы).

Как только эскадрон, рассыпавшись в лаву, начал подниматься на гребень этой балки, махновцы, лавой человек в 150 неожиданно атаковали его. Эскадрон не выдержал столь дерзкой атаки и начал отходить. К этому времени подоспел второй эскадрон. Оба эскадрона при поддержке пулеметного огня начдива, пошли в атаку. Произошла схватка и хотя численность красных кавалеристов и махновцев, была почти одинакова, эскадроны кавполка начали отходить. Так как направление атаки махновцев было под гору, а красных эскадронов, наоборот, на гору.

Эскадроны кавалерийского полка стали медленно отходить на юго-запад по балке и с выходом на дорогу идущую из Нижне Камышенского на Средне Наголинский. Махновцы под командой атамана Удовиченко без энтузиазма преследовали красноармейцев, опасаясь засады.

У хутора Верхне Камышенского, эскадроны собрались и снова бросились в атаку. Вот что писал начальник штаба 2-й Донской дивизии Сперанский в своём донесении: «...эскадроны собрались и снова перешли в атаку. Кавалеристы и бандиты несутся друг другу навстречу и, сблизившись, остановились друг против друга стеною. В этот момент и та и другая стороны чувствовали себя равными и не решались перейти в решительную схватку: наши эскадроны – на измученных пятидневным переходом конях, но имели где-то вблизи резервы, бандиты же не имели резервов, но конский состав был почти свежий. Страшен человек, решившийся умереть. Воодушевлённые своим руководством бандиты бросились в атаку. Наш единственный пулемёт из-за задержки замолчал... Эскадроны начали медленно отходить». Но отступление красных эскадронов махновцы сочли за ловушку и не решились на преследование, так как сам Махно неоднократно и успешно пользовался этим приёмом.

Получив от своих разъездов сведения о движении с юга 13 полка 2 Донской дивизии, Нестор Махно приказал своей кавалерии отходить рысью на хутор Средний Наголинский и дальше на Карпов – Сулин, отсюда (повернув под прямым углом) на хутор Калмыков и в 22 часа 22 июля достигли Стрельцовки. Здесь махновцы заночевали. Опасаясь внезапного нападения частей Красной армии, они расположились на площади, не расходясь по хатам, имея сторожевые посты на всех направлениях. Это стало известно из слов перебежчиков. Так как многие бойцы значительно поредевшей армии Махно, деморализованные последними поражениями, стали поодиночке и группами уходить и сдаваться.

В ночь 23 июля махновцы двинулись на север вдоль долины реки Камышное и вечером того же числа перешли железную дорогу у ст. Зориновка (бронепоезд опоздал и пришел сюда уже после того, как отряды Махно проскочили железную дорогу) и пошли на Тарасов-Щедрово. Подойдя вплотную к северной границе Донобласти.

Жизнь и судьба – М. А. Алпатов

Очерк написан на основе воспоминаний сына М. А. Алпатова.

С 20 годами прошлого века неразрывно связана судьба ещё одного героя нашего повествования и земляка – Михаила Антоновича Алпатова, доктора исторических наук, академика и писателя. Автора следующих научных работ: «Политические идеи французской буржуазной историографии» XIX в. 1949 год. 408 с.; «Американская реакционная историография на службе поджигателей войны». 1951 год; «Русская историческая мысль и Западная Европа (XII – XVII вв.)». 1973. – 476 с. «Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в; 1976 год. 456 с. «Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в. 1985 год. 272 с.

Художественная литература: «Возвращение в юность»: Автобиографическая повесть. М.: Молодая гвардия, 1983. «Вадимка»: Повесть. Для сред. и ст. возраста. М.: Детская литература, 1985. «Горели костры»: Роман. М.: Правда, 1986.

Академик Михаил Антонович Алпатов

О Михаиле Антоновиче Алпатове можно сказать словами его ровесника Аркадия Гайдара: «Обыкновенная биография в необыкновенное время». Судьба его отразила многие перипетии нашей истории XX в. Впрочем, все это относится к первой половине его жизни; вторая, послевоенная, не была богата внешними событиями. Этот очерк об академике Алпатове написан со слов его сына

Михаил Антонович родился 7 (20) ноября 1903 г. в казачьем хуторе Сибилёве Митякинской станицы Донецкого округа Области Войска Донского. Ныне это Каменский район Ростовской области. Он был старшим из шести детей Антона Даниловича (1883 – 1964) и Агриппины Дмитриевны (1885 – 1975) Алпатовых. Михаил Антонович никогда не скрывал свое казачье происхождение. Наоборот, он очень гордился тем, что он казак и именно донской казак.

Обычное крестьянское детство, о котором он не любил вспоминать. Тогда в Сибилёве открылась приходская школа, и он отучился положенный срок у учителя Степана Васильевича. Потом он изобразил этого учителя в романе «Горели костры», сохранил ему подлинные имя и отчество, но приукрасил биографию, сделав революционером.

На этом его образование должно было закончиться. Как-то Антон Данилович, действительно мастер на все руки, сказал: «Все я умею, одного не умею и не люблю – тачать сапоги. Пусть мой старшой будет сапожником». И он уже договорился с местным сапожником, что

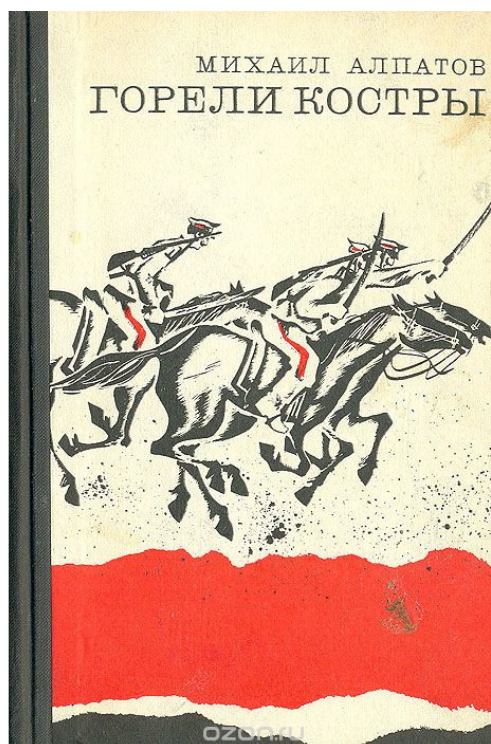
с осени, по окончании полевых работ, Мишка пойдет к нему учеником. Но это было лето 1914 г., отец Михаила ушел на войну, мать вернулась к своему отцу Дмитрию Петровичу Алпатову (они были однофамильцы с зятем), а тот был совсем другим человеком. Сам он не получил никакого образования (умел только расписываться), но уважал «ученых людей» и хотел, чтобы его внук учился дальше. Обучение у сапожника не состоялось. Но вряд ли бы что-то получилось, если бы не счастливый случай. Летом 1915 г. по хуторам был объявлен набор в Каменскую мужскую гимназию.

У нас историки мало пишут о тех изменениях в системе образования России, которые произошли незадолго до революции по инициативе министра просвещения графа П. Н. Игнатьева. Период ограничений для «кухаркиных детей» тогда закончился, и по всей России появилась возможность способным детям из «простых» получить образование. Эти «игнатьевские гимназисты» в дальнейшем заняли заметное место среди советских интеллигентов и управленцев, достаточно назвать две фамилии: Шолохов и Брежнев. Из Сибилёва учитель Степан Васильевич порекомендовал троих, все они поступили в гимназию. Один из бывших гимназистов стал инженером, начальником строительного управления, другой учителем, Михаил Антонович пошел дальше всех. А из всех его братьев и сестер, друзей детства больше никто не получил образование выше начального.

Гимназия в Каменской станице (ныне г. Каменск-Шахтинский) значила для хуторского мальчишки очень много. Он изучал языки, учился играть на мандолине и рисовать (долго мечтал стать художником). Его любимым его педагогом стал Митрофан Петрович Богаевский, директор гимназии и учитель истории. Его называли «донским златоустом». Позже он стал правой рукой атамана Каледина и после победы большевиков в феврале 1918 г. был расстрелян (в «Тихом Доне» он упоминается). Но даже став коммунистом, Михаил Антонович всегда вспоминал о Богаевском с большим уважением. Именно после его уроков гимназисту захотелось стать историком. Но до осуществления мечты было еще много лет.

Началась гражданская война. Гимназисты видели и Каледина, и Краснова, а бой под Глубокой, описанный у Шолохова, гремел совсем рядом. В начале 1919 г. занятия прекратились, пришлось вернуться на хутор. К этому времени дед умер, снова командовать стал Антон Данилович, вернувшийся с фронта, человек властный и упрямый. А мимо хутора Сибилёв, отступая, дважды проходила армия Деникина. Антон Данилович свое уже отвоевал и вместо себя отправил сына. Первый «отступ» оказался коротким, быстро удалось вернуться домой. Второй раз разгромленные деникинцы отступали уже окончательно в конце 1919 г. Отец, которому только что исполнилось 16 лет, ушел из дома с родительскими конями и подводой в обозе армии Деникина. За несколько месяцев ему пришлось прошагать от Сибилёва до Новороссийска.

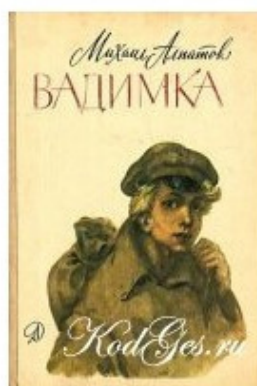
Белую армию Михаил Антонович увидел уже в период ее разложения. Холод, голод, вши, пьянство, развал дисциплины и чудовищная озлобленность солдат и офицеров. Немногих попадавших им в руки красных зверски пытали и убивали. Подводу и коней уже в конце пути украли. Наконец, в марте 1920 г. белые оказались прижаты к Черному морю. Ночь под Новороссийском они называли «ночью Страшного суда». Через много лет после этих событий, Михаил Антонович говорил, что это была самая жуткая ночь в его жизни. Масса народа пыталась погрузиться на не большой корабль. Сели в основном «господа офицеры», для большинства места не хватило, корабль отправился, толпа бросилась вплавь, пытаясь забраться на борт. И тогда ударили по толпе из корабельных орудий. Били по своим! Это нельзя было уже никогда забыть.

Книга Алпатова Горели костры

Книга Михаила Алпатова

Книга Михаила Алпатова.

Оставшиеся на берегу без всякой надежды ждали появления красных. Думали, что всех убьют. Случилось иначе. Кого-то отправили под трибунал, но многим предложили вступить в Красную Армию (вспомним Григория Мелехова), а мальчишек, вроде моего отца, отпустили домой. Красноармейцы его обогрели, накормили и отнеслись по-человечески. Все могло быть и иначе, он мог бы и сесть на тот корабль и оказаться в эмиграции. Но получилось именно так: 16-летний юноша увидел у белых все самое худшее, а встреча с красными оказалась счастливой. И неудивительно, что он сделал выбор в пользу красных на всю жизнь. С большими приключениями, то пешком, то на подножках и в товарных вагонах, он добрался до своего хутора.

Михаил Антонович любил рассказывать о самых разных событиях своей жизни, но о том, что побывал у белых, он ни кому не рассказывал кроме своей жены. Но события эти его волновали, а поскольку он был не только историк, но и писатель, в 1970-е годы он решил о них написать. Получилась повесть «Вадимка», последнее законченное его сочинение, завершенное менее чем за год до смерти. Книга вышла посмертно в 1985 г. По-моему, это лучшее из его художественных произведений. Он пишет о юноше с хутора Козорезовки Вадимке, но, даже не зная биографию автора, легко почувствовать, что книга автобиографична. Сам он называл повесть «книгой о доброте». Добрые люди не раз встречались ему в жизни.

Вернувшись в Сибилёв, Михаил Алпатов вступил в комсомол и скоро был зачислен в Часть особого назначения (ЧОН) по борьбе с бандитами. Гражданская война на Дону кончилась, но казаков, недовольных новой властью, было много (опять можно вспомнить «Тихий Дон», теперь уже самый его конец). Шла жестокая с обеих сторон борьба, Михаил Антонович рассказывал о том времени много страшного. Хотя, далеко не все из этого вошло в повесть «Вадимка». Если первая ее часть, посвященная пути ее автора с Дона в Новороссийск и обратно, по-видимому, очень близка к реальности, то вторая половина, где речь идет о ЧОН, несколько приукрашена, к тому же добавлена любовная история Вадима, которой у Михаила на самом деле не было.

Вот один из эпизодов того времени. Как-то молодой Миша поздно вечером шел один, без оружия. Его нагнали конники, он понял, что это бандиты. Силы были неравные. Но бандиты его не знали и потребовали документы. В кармане у него лежали комсомольский билет, удостоверение ЧОН и справка о воинской обязанности. При предъявлении любого из первых двух документов его немедленно бы убили. Надо было вытащить из кармана именно справку о воинской обязанности. Комсомольцу повезло: он вынул как раз ее, его отпустили. Вполне возможно, что чоновцы Иван Погорелов и Михаил Алпатов хорошо знали друг друга и не раз выручали друг друга из беды.

В те годы наш герой не только боролся с бандами, но и учил детей в начальной школе сначала в хуторе Сибилёве, потом в хуторе Грачики. Но хотелось учиться дальше. Райком комсомола дал ему летом 1923 г. направление в педагогический техникум в Ростов. Но разъярился Антон Данилович, для которого любая «легкая» работа была невыносима. Он заявил сыну: «Я думал, из тебя выйдет мастер, а из тебя выходит босяк!» Они крепко поругались и помирились только через 30 лет.

Одни из первых комсомольцев Тарасовского района.

В Ростове по комсомольскому направлению Михаил Алпатов смог без экзаменов оформиться сразу в три учебных заведения: университет, педагогический техникум и художественное училище. Но дальше надо было выбирать, а тут в техникуме его избрали в студенческий комитет. Он решил, что «нельзя ставить личное выше общественного», и остался в техникуме. Потом он очень жалел об этом выборе, сильно отдалившем завершение его образования. Особенно ему было жалко, что он так и не стал художником.

Но годы техникума и комсомольской юности он потом долго вспоминал. Жить было трудно и голодно, но весело. С товарищами по техникуму он дружил всю жизнь (многие тоже потом оказались в Москве, большинство, как и он, учились дальше). Уже в техникуме ему захотелось вспомнить свою комсомольскую жизнь, и он написал повесть под названием «Комсомольская бурса». Этот текст не сохранился, но через много лет Михаил Антонович решил восстановить повесть, которая, правда, получила название «Возращение в юность». Эта повесть, уже открыто автобиографическая, вышла в журнале «Молодая гвардия» в 1978 г. и отдельной книгой посмертно в 1983 г.

Техникум был окончен в 1927 г. Уже там, у Михаила Антоновича была историческая специализация, хотя преподавать ему пришлось, в соответствии с программами тех лет, не историю, а обществоведение. Пять лет он учительствовал, сначала недолго в с. Белая Глина, потом в 1928 – 1932 гг. в станице Романовской на Дону (недалеко от тогда еще не существовавшего г. Волгодонска) был директором школы. Это были годы коллективизации. Как более образованного и коммунистических взглядов человека (как раз в Романовской он вступил в партию) его активно привлекали к самым разным мероприятиям. Приходилось ездить по хуторам и селам, агитировать в колхозы, выполнять хлебозаготовки. Наш герой любил все это вспоминать и написал позднее рассказ о том, как ему даже пришлось быть судьей. Вышло постановление о том, что педагогов нельзя надолго отвлекать от работы и посылать в длительные командировки. Тогда его товарищи, которых продолжали отправлять на хлебозаготовки, свалили на него все дела в станице. В том числе уехал надолго в колхозы и судья, и Алпатову пришлось несколько месяцев выносить приговоры. Были и весьма интересные.

Первоначально отец очень активно вел такую работу и был полностью убежден в необходимости коллективизации. Но потом он начал понимать, что происходит что-то не то. Однажды он выступил против закрытия церкви, считая это несвоевременной мерой. Церковь все же закрыли. Тогда к райкому прибежала толпа старух с криками: «Открывай церкву!» Кто-то из них заявил: «Вот Алпатов – умный человек, правильно говорит!» Начались неприятности для отца, но кое-как дело замяли. И независимо от этого дела шли все хуже и хуже. Началось раскулачивание, потом борьба с «кулацким саботажем», в еще недавно зажиточной станице

начинался голод. Довольно твердые с 1920 г. убеждения Михаила Алпатова впервые дали трещину (вторым тяжелым моментом для него станет XX съезд в 1956 г.). Позднее, он много говорил о коллективизации. Чувствовалось, что это была большая для него тема. И видна была двойственность его позиции. Он много знал о том, что тогда творилось (а один из его братьев умер в 1933 г. от голода), и не мог этого простить. Но ему нужно было убеждать всех и самого себя в том, что все-таки деятельность его и его товарищей не была напрасной, и проводить преобразования в деревне было нужно. Об этом он кое-что написал и опубликовал в 1977 г. в журнале «Дон».

В романе «Горели костры» его персонажи в другую эпоху и по другому поводу ведут споры о том, что лучше: делать историю или ее писать. Мне кажется, что здесь как-то отразились его собственные мысли в Романовской станице в 1931 – 1932 гг. Тогда учителю Алпатову надоело участвовать в истории, которая не всегда развивалась так, как хотелось, и очень захотелось историю писать самому. В райкоме он получил разрешение ехать в Москву и поступать на исторический факультет МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). В МГУ тогда не было гуманитарных факультетов, и МИФЛИ был главным центром подготовки историков.

После 1932 г. Алпатов надолго потерял связь с Доном. Лишь после войны к нам в Москву стала приезжать его мать. На вопрос о том, как живут сибилёвцы, она махнула рукой и сказала: «Пьют да воруют!» Михаилу Антоновичу тяжело было это слушать, и он не торопился на родину. Лишь в последнее десятилетие жизни, после выхода в свет в 1970 г. романа «Горели костры», он начал снова ездить на Дон, где еще жила его мать, был и в Сибилёве, и в Романовской. Его там тепло принимали как писателя-земляка, и выход романа немного помог уже угасавшему Сибилёву. Именно благодаря роману туда провели асфальтовую дорогу и пустили автобус. К тому времени жить на Дону стало лучше, чем в послевоенные годы, и отец радовался: он мог считать, что его труды все-таки не были напрасны.

В Москве началась совсем другая жизнь. Михаил Антонович поступил в институт в 28 лет и закончил его в 33 года. Уже в Романовской у него была семья, а к моменту окончания МИФЛИ детей стало уже двое. Учился он хорошо. В студенческие годы специализировался по античной истории (может быть, сказывалась любовь к латыни), занимался у В. С. Сергеева, диплом писал у Н. А. Машкина. В 1937 г. институт он окончил и был зачислен в аспирантуру, но учиться ему тогда не пришлось.

Летом 1937 г. арестовали его друга с донских времен Николая Жарикова, также переехавшего в Москву. В доносе было сказано: «Жариков ругал товарища Сталина, а Алпатов с ним спорил» (то и другое соответствовало действительности). В самом начале учебного года обсуждалось персональное дело Алпатова о «притуплении классовой бдительности» (надо было не спорить, а сообщить куда следует). Стоял вопрос об исключении из партии, а это обычно было первым этапом перед арестом. Как это ни кажется сейчас странным, но мнение коммунистов МИФЛИ было отнюдь не единодушным. Были люди, которые не побоялись выступить в защиту Михаила Антоновича. Особенно ему помог профессор Алексей Петрович Гагарин. Благодаря ему первоначальный вердикт об исключении в райкоме был заменен «строгим выговором с занесением», но из аспирантуры Михаила Алпатова исключили. Ему посоветовали пойти в Наркомпрос. Там по коридорам ходили представители периферийных вузов и искали людей для заполнения преподавательских вакансий, образовавшихся в связи с арестами. Алпатова нашел представитель Сталинградского пединститута и предложил ехать с ним. Тот предупредил о строгом выговоре, но ему ответили: «Так не исключили же!» Они вскоре уехали в Сталинград. Потом Михаил Антонович говорил о 1937 г.: «Тогда меня потянуло за штаны, но отпустило».

В Сталинграде Михаила Антоновича больше не трогали. Но трудностей было немало. По древней истории преподавателем был А. И. Дмитриев, но средние века некому было читать. Алпатов, хоть и слушал курс средних веков у Е. А. Косминского, но никогда по ним не специализировался. А где взять литературу? Накануне его приезда в институте из-за сочинений «врагов народа» сожгли библиотеку. Очень мало что уцелело, но, к счастью, в числе этого оказалась энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Факты можно было набирать оттуда, а затем самостоятельно давать этому марксистскую интерпретацию. Готовиться к занятиям приходилось, особенно поначалу, всю ночь, а халтурить он не умел. Утром он клал голову под кран с холодной водой и шел на лекции. С тех пор он на всю жизнь полюбил Брокгауза и Ефрона и, работая в начале 50-х годов в энциклопедии, сумел по знакомству купить полный комплект.

В Сталинграде Михаил Антонович проработал три года. В 1940 г. он вернулся в Москву, преподавал на Ленинских курсах (его учеников потом послали политруками на фронт, и почти все погибли) и восстановился в аспирантуре. Но поскольку он привык уже к средним векам, то стал аспирантом у Косминского. Некоторое время он учился и у только что вернувшегося из эмиграции Р. Ю. Виппера, о котором потом любил вспоминать.

В октябре 1941 г. Михаил Антонович ушел в ополчение, но пробыл в армии недолго и был комиссован. Он оказался в Чкалове (ныне Оренбург) и через знакомого по МИФЛИ Семена Павловича Сурата был взят на работу в обком партии. Там он был уполномоченным, снова, как и в Романовской, ездил по колхозам, выбивал поставки зерна и скота. Как-то он спросил Сурата, зачем вообще мы нужны, мы же ничего не знаем в сельскохозяйственном производстве. Тот ответил: «Мы нужны самим фактом своего существования. Председатель колхоза знает, что есть человек, который может приехать и его разогнать, вот и старается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.